

П Р О

В И Н

1961 | Виктор Кустов

НЕЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР IV

Ц И А

Л Ы

18+

Виктор Кустов

**Провинциалы. Книга 4.
Неестественный отбор**

«Автор»

2014

Кустов В. Н.

Провинциалы. Книга 4. Неестественный отбор / В. Н. Кустов —
«Автор», 2014

Четвертая книга "Неестественный отбор" - самое драматичное произведение повествует о бурных девяностых годах двадцатого века, ознаменовавших распад одной и рождение другой стороны. В судьбах героев это десятилетие наполнено новизной отношений, стремительностью событий, неведомыми прежде испытаниями. В новом обществе каждый из них пытается реализовать собственное понимание произошедших перемен. В повествовании отражены реальные события и узнаваемые исторические личности, оно насыщено действием, читается с неослабевающим интересом и соответствует уровню известных эпических полотен русской литературы.

© Кустов В. Н., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Эйфория неопитов	5
Новый мир	46
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Эйфория неофитов

Черников

Закрывались лагерные ворота за Черниковым в одной стране, открылись в другой. В той, которая канула в прошлое и которую он хорошо знал и помнил, остались, помимо комсомольской азартной молодости, жажды действия и клейма диссидента, и «самый справедливый» суд, который вдруг из фарса превратился в его, Черникова, личную драму, и друзья, обернувшиеся в одночасье врагами, и не осуществленные, теперь, похоже, навсегда, планы. Семь лет он ел лагерные харчи, способствующие похудению, носил обезличивающую робу, выслушивал истории виновных и невинных людей, наблюдал, как звереют от власти по одну сторону забора и тупеют от страха по другую, – одним словом, познавал ту жизнь, которая большинству граждан неведома. И все эти годы он писал во все инстанции, куда было позволительно, добиваясь пересмотра дела, воспринимая все с ним произошедшее как неправый суд не над ним, гражданином, а над мыслью, отличной от общепринятых. А можно ли судить мысли?

Это был главный вопрос, который он ставил в письмах, явно смущая этим маститых и не очень юристов, но желание усомниться в его дееспособности, возникавшее то у одного, то у другого чиновника от юриспруденции, тут же пресекалось более властными структурами, не допускавшими, чтобы и так шитому белыми нитками делу придали еще и оттенок недееспособности. Это ведь тоже было бы пятно на официальном портрете справедливого безгрешного советского правосудия.

Если бы ему был отмерен больший срок, наверное, подобная эпистолярная связь с неведомыми, но всемогущими адресатами и принесла бы в конце концов свои плоды, но срок закончился как раз тогда, когда на воле начали происходить ощутимые перемены, чем-то напоминающие давнюю уже оттепель шестидесятых, – пору его молодости, вкус которой, если разобратся как следует, в конечном итоге и привел его в этот лагерь, кстати, ничем особым не отличающийся от социалистического, разве что размерами да набором занятий, отвлекающих от мыслительного процесса.

Он вышел в предосеннюю стылость, удивившись вдруг распахнувшемуся горизонту, поморщился от вида стоящих вдали аляповатых многоэтажек и побрел по уже обметанной первой пожелтевшей листвой тропинке в ту сторону, где все суежилась какая-то жизнь, еще не решив, куда теперь держать путь. Дома, а точнее, там, в Иркутске, откуда его забрали, никто не ждал. И это несколько не огорчило: Юля была слишком юна, чтобы научиться ждать. Сотоварищей там тоже было не очень много, да и теперь им, похоже, было не до него, – теперь всем, похоже, было не до кого. Но это как раз и придавало бодрости, веры в то, что наконец-то наступило долгожданное время свободы...

Конечно, логичнее всего было ехать в Москву: там, в столице, все всегда случается в первую очередь, там можно разобраться в происходящих событиях, встретиться с умными людьми, старыми знакомыми, окунуться в гущу перемен, о которых к ним в острог долетали весточки. Не все ведь отвернулись, забыли, вычеркнули из записных книжек, опасаясь за собственное благополучие. Вот и Галочка писала письма поддержки, слала посылки, наверное, на что-то еще надеясь, хотя на что может надеяться бездетная женщина, когда ей за сорок лет?..

Поймал себя на этой несвоевременной мысли и усмехнулся: ему-то уж явно не дано это знание, он не женщина. И с этой усмешкой над самим собой вернулась привычная уверенность в том, что все пойдет как надо и ехать ему только в столицу, до которой как раз и хватит заработанных за эти годы грошей – рабской платы за скотское арестантское существование.

Он трясся в общем вагоне, жадно вглядываясь в проползающие за окнами деревеньки, станции, городские перроны, откровенно изучая остающихся позади, случайно попавших в

поле зрения людей со своей неведомой ему жизнью, так и не избавившись от юношеской привычки самому додумывать их прошлое и настоящее. Но на этот раз его привлекала не игра, он сравнивал этих людей с теми, чьи лица, смазанные движением, изредка мелькали в узкой щели вагонной двери, когда его везли оттуда, где он провел последние семь лет. Он хотел видеть различия, но люди за окном были все той же знакомой прежде массой человеческих единиц, сосредоточенных на своих заботах, внешне лишенных индивидуальности и, как и прежде, несвободных.

Но в Москве, выйдя на привокзальную площадь, он сразу ощутил наэлектризованную атмосферу стремительно перемещающихся в пространстве, как всегда торопящихся московских пешеходов, приезжих, местных, и в то же время некую раскованность, даже расхлябанность, которая очевидно прочитывалась в глазах вяло вышагивающих милиционеров (а может, это ему показалось в сравнении с конвойными, привыкшими отслеживать каждый шаг заключенного), но он отнес это к числу тех самых долгожданных перемен, о которых так давно мечтал. Оттого и пошел сам к милиционерам, чтобы убедиться в этом, а может, опять же по привычке испытывать власть на лояльность, проверить ее отношение теперь уже не к гражданину, а к беспартийному обладателю справки, то есть неполноценному члену общества. Шел, глупо улыбаясь и сознавая, что действительно должен выглядеть нелепо, если не сказать – подозрительно, в телогрейке, ушанке, сапогах, в больших, явно выделяющихся на его худом лице, замызганных очках (оправу сам смастерил из зубных щеток, присланных Галиной), подбирая и все не находя слов, чтобы не слишком и обидеть этих юных, прыщеватых и чересчур серьезных от осознания своего социального статуса слуг власти и в то же время высказать им то, за что не однажды отсиживал в карцере. Но милиционеры даже не удосужились его подождать, скользнули равнодушным взглядом и, развернувшись, неторопливо пошли к другому вокзалу. Он по инерции сделал еще несколько шагов, остановился, посмотрел вслед удаляющимся мешковатым, лениво-властным фигурам и, с сожалением вздохнув, заторопился в метро, решив, что лучше будет, если он явится безо всякого извещения: ведь писала все эти годы, пусть и товарищеские, письма, а может, даже лучше, что товарищеские – дружба надежнее любви...

Хотел по-своему, а получилось так, как должно было по высшему, неведомому ему порядку, в который, кстати, он не очень-то и верил, считая себя с комсомольского задорного возраста убежденным атеистом: Галины дома не оказалось, ключ на старом месте не лежал (сколько лет-то прошло...), и пришлось сидеть на песочнице во дворе, хорошо, что начало осени, не холодно, но и не жарко в родимой телогрейке. Сидел, любовался безмятежными малышами и надутыми, влюбленными в своих отпрысков и себя мамашами, гордыми от своей исправно исполненной женской миссии (молодые матери всегда напоминали ему квочек, с которыми он воевал в детстве, вытаскивая из-под их пушистых задов теплые яйца), летал мыслями по разным временам, все еще чувствуя себя непривычно без терпкого запаха мужского общежития, жесткого распорядка, сладких грез о том, что будет, когда вернется опять в мир людей, не ведающих ограничений, лишенных понимания, как мало человеку нужно и как он, этот мир, хрупок.

За грезами пропустил Галину. А может, видел, да не узнал. Потому что когда уже в темноте поднялся по лестнице и надавил кнопку звонка, открыла ему дверь невысокая полная женщина с незнакомой фигурой, но с лицом Галины. Правда, ошутимо расплывшимся, стекшим вниз к подбородку, и он огорчился, хотя глупо было надеяться через столько лет увидеть ее такой, какой она осталась в памяти, – огорчился, но уже улыбался еще за дверью, настроившись что-нибудь скаламбурить, на случай, если откроет не она, а какой-нибудь самодовольный самец в нижнем белье, отчего не стал особо разгадывать изменения ее лица, не стал задавать банальный вопрос: узнает ли, не сомневаясь, что узнала, – женщины его всегда запоминали, особенно те, с кем ему приходилось делить ложе, – сказал обыденно, словно расстались не далее как утром, устав от ночной тесноты и скучного трудового дня:

– Это я пришел.

И она растерянно кивнула, похлопала полными губами, которые когда-то страстно его целовали, так же обыденно произнесла:

– Проходи.

Но в комнату не ушла, лишь отступила в сторону, наблюдая за тем, как он раздевается, ставит у порога сапоги, из которых пахнуло привычным ему запахом мужского общежития, наконец опомнилась, суетливо метнулась куда-то, вернулась с полотенцем, выглаженной пижамой (новая или... А у него была в этом доме пижама?), сказала, пытаясь поймать его взгляд:

– Там ванная. Ты знаешь... А я приготовлю поесть...

– Узнаю твою чистоплотность... Нет, чтобы накормить сначала...

Сказал просто так, закрепляя утраченную обыденность существования в этом замкнутом пространстве с уже изменившейся, но все еще чем-то знакомой женщиной. А она вдруг покраснела. Стала оправдываться, обещая моментально что-нибудь приготовить, потому что ничего сегодня еще не варила, но он махнул рукой и закрыл за собой дверь ванной, не меньше, чем голод, ощущая потребность смыть, стереть с себя все эти годы, прожитые не так, как хотел, как мог бы...

Когда вышел в пахнущей лежалой чистотой пижаме, немного великоватой, но, похоже, все же его, каким он был прежде, размера, на чистеньком кухонном столе его ожидали тарелочки с аппетитными кружками колбасы и ноздреватыми пластинками сыра, масляно золотились шпроты, дымилась в блюде картошка, и все это закономерно дополняли пузатенький графинчик (кажется, он его сам покупал) и две хрустальные рюмочки. Он подумал, что уместнее было бы сейчас налить в кружку, но, взглянув на Галину, ожидающую если не похвалы, то одобрения и отчего-то вызывающую необъяснимую жалость, произнес:

– В снах такого не снилось...

И придвинулся ближе к столу.

Теряясь от выбора, положил на тарелочку картофелину, подумав, добавил кружок колбасы и, подняв уже налитую Галиной рюмку, коротко сказал:

– За встречу.

Пока мир становился мягким и добрым, а сидящая напротив женщина превращалась в красавицу, пробуждая желание, стремительно поедая подкладываемое ею и слушал, что произошло в его отсутствие.

Галина работала в издательстве редактором и даже издала книгу стихов (в этом он заставил ее признаться, напомнив, что она вставляла в свои письма оптимистичные четверостишия), замужем так и не была, хотя любовника в свое время (после исчезновения с ее небосклона Черникова) имела. Но он то ли сбежал, то ли она его выгнала (Черников уточнять не стал, какая разница!), и в последнее десятилетие если и были в ее жизни увлечения, то исключительно платонические.

Выпив, Галина покраснелась, разоткровенничалась, закурила сигарету, удивившись, что он так и не научился курить даже в лагере, начала горячо рассказывать о последних московских событиях, которые теперь были событиями всей страны. Кое-что он уже слышал, но подробностей, о которых не пишут в газетах и не рассказывают политработники, не знал и с интересом слушал и о традиционной для страны (пока генсек отдыхает) попытке переворота гэкачепистами с трясущимися руками, и о нетрадиционной, для страны же, чете Горбачевых, не скрывающей своих отношений (коснулась и влияния Раисы Максимовны на мужа, которое одобряла, а размякший и подумывающий уже о другом Черников спорить с ней не стал), и о решительном и большом Ельцине, о котором вся страна узнала по крылатой фразе соратника по партии: «Борис, ты не прав!», но тот оказывался все более и более правым.

От услышанного Черников пьянел еще больше, чем от водки, ощущая прилив энергии: наконец-то стали говорить правду не только на кухнях, но и на трибунах, площадях. Он все

более возбуждался и, наконец, повел разговорившуюся Галину все к тому же знакомому ему дивану, изрядно постаревшему на вид, но исправно служащему своей хозяйке и теперь вновь прогибающемуся и под ними. И они предались краткому неистовству плоти, щедро расплескивая долгое воздержание, а потом вновь стали привыкать к телам друг друга, и Черников неожиданно для себя подумал, что суждено ему, похоже, завести с Галиной сына и уж больше не мотаться по стране.

Но тут же он вспомнил о происходящих переменах и решил, что заводить сына и оседать еще все же рано, а оглядев расплзшееся, утратившее былую привлекательность рыхлое тело вернувшейся из ванной Галины, подумал, что и ребенка с ней заводить не стоит.

Если, конечно, его не угораздило это сделать сейчас. Впрочем, вряд ли это возможно, ей уже за сорок...

И, успокоенный, он заснул, согретый жарким женским телом...

...Всю следующую неделю он ходил по городу, впитывая пьянящий воздух свободы, который был сродни озону перед грозой. Отстаивал очереди у газетных киосков, торопливо шел в ближайший сквер или тихое место и жадно читал, по привычке домысливая то, что осталось между строк, хотя в этом уже не было необходимости: разномастные издания не жалели резких слов и той самой правды-матки, которой так хотелось в пору, называемую теперь застоем...

Начитавшись, шел бродить по самым горячим московским местам, останавливался возле стихийно возникающих групп, слушал ораторов, стараясь каждому верить, хотя это ему не было присуще, пока наконец не понял, что без помощи Галины самому во всем не разобраться. Он уже не сомневался: то, что доходило к ним в лагерь, было лишь слабым отголоском истинные глобальных перемен.

Сначала Галина пыталась пересказать ему в хронологическом порядке события последних месяцев, но получалось это у нее со всяческими отступлениями о своей жизни в эти годы, когда даже в столице вдруг опустели прилавки магазинов, когда было жалко цивилизованных прибалтов и совсем не жалко вдруг взбунтовавшихся кавказцев, когда такого приятного во всех отношениях мужчину, большого, уверенного Ельцина, нынешнего президента России, пытались убить эти отморозки-коммунисты, заведшие их всех в тупик...

Он раздражался, требовал воздержаться от бабских эмоций и умозаключений, наконец попросил принести подшивку какой-нибудь правдивой газеты.

Она принесла «Московские новости», и он пару дней сидел не разгибаясь, пытаясь понять, в какую страну вернулся.

Прежде всего пришлось окончательно поверить, что прежнего и казалось вечного социалистического лагеря государств больше нет. Что у Горбачева в свое время просто не дошли руки (или жалобы так и не дошли куда положено), отчего Черников и отбыл в местах не столь отдаленных отмеренный ему срок, а так бы давно уже гулял на свободе, как тот же академик Сахаров... Он внимательно перечитал все выступления депутатов, имена которых ему были хорошо знакомы. Конечно, Гавриил Попов и Анатолий Собчак, нынешние градоначальники двух столиц, были не в пример более политически грамотными, чем тот же академик Сахаров, напоминавший ему подростка, толком не разобравшегося в правилах мальчишеских уличных драк, но лезущего в свару...

Его порадовало, что коммунистической партии больше нет, что в Москве и Ленинграде места бывших партийных аппаратчиков заняли демократы. Он понимающе посочувствовал прибалтам, которые и так давно жили наособицу, разве что числясь союзными республиками да беззастенчиво пользуясь богатствами России. Армяно-азербайджанские отношения его не очень взволновали, он считал, что темпераментные южане больше шумят, чем делают, и скоро все там затихнет само собой... Предложение Ельцина всем брать суверенитета столько, сколько смогут переварить, ему не понравилось. Теперь он не понаслышке знал, чем чревата неограниченная свобода – за годы изоляции насмотрелся на разных типов и многих из них, будь его

воля, никогда бы не выпускал оттуда, не сомневаясь, что, кроме горя, они ничего не принесут в этот мир...

Бывшего Генерального секретаря некогда могущественной партии и потом президента СССР Горбачева он самостоятельным политиком не считал, предполагая, что тот по своей интеллигентской мягкости попал под сильное влияние американских и европейских лидеров.

Ельцин на его фоне действительно выглядел победителем, способным справиться со всеми проблемами, в том числе и с местными князьками, которые тоже стали проявляться, декларируя свои претензии...

Наткнулся на письмо деятелей культуры, писателей (в их числе был и Валя Распутин), в котором те предупреждали, что опасно брать пример с западного и тем более американского устройства государства.

Удивился: неужели они так и не поняли, что Советский Союз был обречен, что партия сама себе вырыла могилу?.. И чем плоха западная демократия, западная культура?.. Впрочем, при всем своем уважении к писателям-деревенщикам, к которым относил и Распутина, Черников все же считал их архаичными, необходимыми обществу, лишь влияющими на него, формирующими общественное мнение на определенном этапе, когда доступ к более откровенному и прямому искусству, прорастающему из периода оттепели шестидесятых, был закрыт...

После двухдневного «политпроса» бодрящий запах озона куда-то исчез, осталось только предчувствие приближающейся и, похоже, неизбежной и довольно скорой грозы. Теперь можно было выходить к сведущим знакомым, чтобы либо получить подтверждение собственным выводам, либо отказаться от них, пока те не стали убеждением.

В литературной и околосредовой среде его приняли с восторгом, обрядив сразу без его согласия в тогу радетеля, страдальца за демократию, подобострастно расшаркиваясь за то, что не им, благоденствующим все эти годы, да и сейчас не бедствующим, а ему пришлось нести крест несправедливости уходящей навсегда власти.

Первыми раскрыли ему глаза на его нынешнее общественное положение знакомые Галины, набежавшие в один из вечеров, как он понял, исключительно взглянуть на него, живого борца за наступившие дни. Экзальтированные дамы и горячие товарищи, желающие теперь быть господами, хотели слушать о пытках, издевательствах, невыносимой лагерной жизни... Скоро он понял, что им совсем не нужна правда, что мнение о его жизни там, за колючей проволокой, у них давно уже сложилось, и не стал оспаривать, тем более что в главном они были все же правы: там, где он провел эти годы, человек жить не должен...

Подруги Галины оказались более прозорливыми, нежели товарищи-господа, они нашли некий фонд, который помогал таким, как он: там улыбочивые барышни, без запинки говорящие по-английски, выделили ему довольно приличную сумму (подъемные перед работой на новой ударной стройке, усмехнулся он), посоветовали обратиться еще спустя некоторое время, если будет в том нужда. Зато товарищи-господа сделали несколько публикаций в различных изданиях демократического толка. А в «Московских новостях» вышел разворот с очень удачной его фотографией и перевернутым текстом (прочитав, сам удивился, как только умудрился выжить в жутких условиях), после чего ему позвонили из правительства Москвы и предложили серию выступлений в трудовых и не очень трудовых коллективах.

– Естественно, Борис Иванович, мы прекрасно понимаем ваше нынешнее положение, поэтому – не безвозмездно... – приятный баритон на другом конце выдержал многозначительную паузу и добавил: – Гонорар будет почти как у академика...

Он уклончиво ответил, что, дескать, предложение заманчивое, тем более у него есть что рассказать...

– Мы знаем, – ненавязчиво вклинился голос, снявший последние сомнения, что на другом конце провода если не нынешний, то бывший чекист, и Черников сразу насторожился, напрягся, вспомнив изувержские приемы этой службы, и жестко сказал:

– Пусть об этом попросит меня ваш начальник...

И положил трубку, полагая, что собеседнику с предполагаемым им чекистским прошлым или настоящим разяснять ничего не стоит.

И оказался прав. На следующее утро уже другой, женский ласковый голос сообщил, что Гавриил Харитонович Попов ждет его сегодня, в семь часов вечера. И извинился за столь позднее время аудиенции, сославшись на занятость мэра Москвы в остальное время суток.

...Его привели к Попову, широкому, неторопливому, похоже, ошалевшему от внезапно свалившейся на него ноши, так и не разобравшемуся до конца, куда следует ее отнести, к почетным регалиям или тяжкому кресту. Он задал пару дежурных вопросов, но в ответах Черникова, который держался независимо и даже с определенным вызовом, нашел что-то важное для себя, велел принести чаю, и они проговорили почти час, найдя немало точек соприкосновения и даже общих знакомых. Попов сказал, что очень надеется на поддержку и помощь настоящих демократов, таких, как Черников, способных открыть глаза народу, не допустить, чтобы их правое дело было опорочено вульгарным грабежом, жадной наживы, желанием отобрать что-то у другого, которые уже зреют в толпе... Что главная задача сейчас – все это удержать в узде, ибо страшен русский бунт и нельзя его допустить...

Беседа, да и Гавриил, ему понравились, Черников был готов согласиться выступать и без всякой оплаты, хотя деньги нужны были – не хотелось сидеть на иждивении Галины. А если быть честным с самим собой, то хотелось убежать от нее, вдруг вообразившей, что им суждено доживать век вместе, отчего флер тайны будущего развеялся, он представил, как изо дня в день, из года в год будет являться в эту хрущевку в Черемушках, как будет наблюдать растекание форм некогда стройной и быстрой Галочки (сам он, конечно, тоже не молодеет, но себя не видно), обсуждать последние сплетни (ибо без них даже во времена гласности Москва немыслима) или, за неимением другой темы, перемывать косточки знакомым.

Заплатили ему за выступление действительно неожиданно хорошо, он не прочь был бы продолжить этот вояж по учреждениям, вузам, конторам, но тот неожиданно прервался. Как потом узнал Черников, объявился новый герой советских застенков, рассказы которого были более впечатляющими. Но это его особо не огорчило, он уже сдал в толстый журнал свои воспоминания, которые тут же вне очереди пошли в номер, заключил договор с издательством на предмет издания книги и даже получил аванс.

Теперь у него было достаточно денег, чтобы осуществить задуманное, уподобившись великому старцу Льву Николаевичу, которого он уважал, но до недавнего времени не понимал, а вот теперь, кажется, начал понимать и даже ощущать некое родство, хотя великий мудрец даже в бурной молодости не переваливал Уральский хребет, а значит, даже случайных отпрысков, состряпанных в загуле и крошечной тьме, быть там не могло...

Он устроил Галине выход в ресторан, нынче кутили так, как кутили, наверное, только во времена нэпа и где можно было еще что-нибудь поесть, и там же, ей, раскрасневшейся, размякшей, вспомнившей молодые годы и опыт соблазнения, (на который тут же попала пара горячих и щедрых на быструю любовь кавказцев), он сообщил Галине о своем решении.

– Ты же меня знаешь, я на одном месте сидеть не могу... Тем более после стольких лет... Надо поездить по России, посмотреть, книжку написать...

Он приготовился было еще искать аргументы, но она неожиданно весело перебила, поглядывая в сторону шумного застолья кавказцев:

– Когда собираешься уезжать? Не будешь ждать реабилитации?..

Он подумал, что удачно выбрал место и время для непростого, как ему казалось, разговора.

– Я тебе позванивать буду, я ведь моим корреспондентам твой адрес оставил.

– Далеко? – спросила она, маленькими глоточками отпивая коньяк и перекатывая бокал ладонями.

Вскинула глаза, в которых вдруг промелькнула отчаянная грусть, и тут же спрятала ее за игривыми искорками. И мелькнувшая было у Черникова мысль, каково ей будет опять одной, спасительно спряталась за другую, что она еще вполне ничего, клюют же на нее горячие джигиты – найдет еще спутника приближающейся старости...

Напоминание о том, что годы уже не молодые, а жизнь не бесконечна, стоит поторопиться наверстать упущенное, окончательно утвердило Черникова в его решении.

– Сначала на Дальний Восток, на родину надо заглянуть. На могилках давно не был... Он помолчал.

Она положила на его руку сверху свою мягкую ладонь, словно мать, успокаивая и защищая, и он подумал, что никогда мужчине не понять женщину, есть у нее какое-то свое, особое, недоступное мужчине знание, данное ей, видимо, с муками деторождения...

– А потом, может, и обратно, к тебе, – вдруг произнес он севшим голосом.

Откашлялся, медленно вытащил свою руку из-под ее ладони.

– Еще в Иркутск заеду. Все-таки альма-матер, друзья-гэбисты...

Хотелось бы повидаться...

Вспомнил следователя, холеного молодого карьериста, потомственного инквизитора, азартно и старательно шившего ему дело и с помощью самого несправедливого суда упекшего за решетку, а заодно и Андропова, во времена которого и закрутилась вся карусель, до той поры придерживаемая оставшимися верными друзьями из этой конторы...

Скривился.

Опрокинул рюмку терпкого коньяка.

– Все будет хорошо... – успокоила его Галина, хотя несколько минут назад он собирался успокаивать ее. – Тебе действительно надо съездить в родные места, столько лет в нечеловеческих условиях...

Они уходили, провожаемые откровенными взглядами и цоканьем языком дошедших до кондиции кавказцев, и Черников понимал, что цоканье и взгляды относятся исключительно к ней, и в гардеробе незаметно оглядел: действительно, аппетитные женские формы, симпатичное личико, ей бы рожать да рожать, да вот не дано...

Эту ночь они провели как страстные любовники, он не устоял перед неистовыми ласками, поддался зову плоти и даже что-то ласковое бормотал перед тем, как обессиленно придавить ее тяжестью своего тела и отрешенно, словно не о себе, думая о собственной роли в этом процессе: так и быть, пусть будет ребенок... Но позже, когда она, доверчиво прижавшись, гладила пальчиками его лицо, словно запоминая и прощаясь (и это отчего-то раздражало), не сдержался, спросил, не опасный ли у нее период, да и вообще, способна ли она еще иметь детей.

Галочка перестала гладить, полежала, очевидно, переживая вопрос, потом, не отвечая и не одеваясь, блея полноватым телом, пошла на кухню, где он и нашел ее, голой, курившей под форточкой.

– Ну, и чего надулась? – грубовато спросил, не зная, как себя вести, и представляя как забавно они сейчас со стороны выглядят – двое немолодых уже людей в чем мать родила.

– Покурить захотелось...

Она выбросила наполовину выкуренную сигарету в форточку, и та полетела вниз с пятого этажа (для какой-нибудь букашки – падающая звезда, для озабоченного подростка – неожиданный «бычок», для случайного прохожего – невоспитанность жильцов этого дома).

Потом, ни слова не говоря, пошла обратно.

Он постоял немного, вдыхая прохладный воздух, и пошел следом.

В комнате горела настольная лампа, Галина, уже в ночной рубашке, лежала на взбитой подушке. И он вдруг застеснялся своей наготы, натянул трусы, юркнул под одеяло.

Обнял неловко.

– Ладно, чего ты...

– У меня, Боря, после тебя была любовь. И ребеночек у нас мог быть. А я дура была: у меня карьера, у него докторская, вот и пошла... И ребеночка убила... И за это расплатилась сполна, на всю мою жизнь. И он ушел, и я одна осталась...

– Прости.

– Ничего, дело прошлое... И не исправишь... Ты когда уезжаешь?

И хотя думал еще недельку побыть в столице, понял, что это уже прощание, и коротко ответил:

– Послезавтра...

...С вечера она собрала ему приобретенный на первый гонорар абалаковский рюкзак, уложив вниз стопку необходимых, потрепанных и еще не очень зачитанных книг, которые он отобрал из ее библиотеки.

Потом они долго пили на кухне чай, обсуждая всякие пустяки, стараясь не касаться политики и всяких событий в стране: он все еще не мог переварить обвалившуюся на него информацию и порой физически ощущал ее тяжесть, боялся надорваться или заблудиться в трех соснах. Другое дело – незатейливая вязь пустяшной беседы, начиная с бывшей и будущей погоды (мудрый рецепт дряхлых англичан), которая этой осенью то ли радует, то ли огорчает своими переменами, под стать времени, не понять, что с ней происходит. Как не понять и все происходящее в некогда огромной стране, рассыпавшейся в одночасье на отдельные большие и маленькие вотчины. С одной стороны, гласность, демократия, проснувшийся после многолетней спячки народ на площадях и улицах ему нравились. Но, с другой, было неприятно, что все стараются поскорее откеститься от России, от совместной и весьма непростой истории Советского Союза, который даже враги уважительно называли империей (тем самым отдавая должное величине и мощи)... Но и в этом житейском разговоре не обошлось без политического контекста: стало ненужным издательство, в котором Галочка столько лет проработала, дослужившись до главного редактора отдела. Самое загруженное прежде, не озабоченное финансовыми проблемами, под известным всей стране названием «Политиздат», оно вдруг начало сбиваться с привычного и, казалось, вечного ритма.

Галочка еще не осознала, что в любую минуту может оказаться на улице, обвиняла в перебоях нерасторопного директора, а Черников уже понимал, что это неизбежно и этот колосс, созданный ушедшей партией и временем, должен вот-вот рухнуть, но не стал расстраивать ее, предположив, что у той должны быть накопления на черный день, да и квартира из трех комнат, можно при крайней нужде пускать на постой.

К тому же дал себе слово, когда получит полный расчет за книгу, поделиться с Галочкой. Хоть так отблагодарить за все, что она ему дала...

Ночью он на прощанье хотел ее приласкать, но она сослалась на усталость, и они долго пролежали в темноте без сна порознь, каждый думая о том, что отрезок их совместной жизни слишком мал, чтобы претендовать на долговечность.

Утром распрощались по-деловому в коридорчике, и, очутившись за захлопнувшейся дверью, он пережил те же эмоции, что и за проходной лагеря. Только, в отличие от тех минут, теперь он не был растерян, даже наоборот, было ощущение, что впереди, невзирая на раздраз и смуту в стране, большая и насыщенная новая жизнь. По пути в Домодедово, глядя в окно автобуса на желтые продымленные перелески, вдруг подумал, что надо будет все же заехать в Байкальск к бывшей жене, встретиться с сыном. Не хотелось сознаваться, но не мог забыть слова Галочки об одиночестве... Интересно бы увидеть и Юлю, клялась ведь, а он верил, что станет ждать, как жены декабристов... Впрочем, что взять с влюбленной в собственный вымысел девчонки, не стоит ворошить прошлое, у него и так будет к кому в Иркутске наведаться...

Выйдя из автобуса и забрав из багажного отделения рюкзак (на удивление прочих очемоданенных путешественников), Черников направился к входу в аэропорт и столкнулся с молодым мужчиной, явно выделявшимся среди суетливых пассажиров неторопливостью, элеган-

ным черным пальто и большим блестящим кейсом в руке. Буркнул что-то извинительное, обходя этот островок благополучного спокойствия, но мужчина вдруг ухватил свободной рукой его под локоть.

– Куда же вы так торопитесь, Борис Иванович?.. Опять революционеров выискивать?

Он недоуменно уставился на улыбающееся, гладко выбритое лицо со смеющимися глазами за стеклами изящных очков, в котором было нечто неуловимо знакомое... Вглядывался, мучительно пытаюсь вспомнить...

– Ах, Одесса, жемчужина у моря... – нараспев произнес тот, продолжая улыбаться. – Ну, вспоминай, Борис Иванович...

И он вспомнил черноволосого худенького юношу с поразительно умными мыслями и отчаянной решимостью...

– Глеб?.. Пабловский?!..

– Вспомнил же... – Тот порывисто обнял его, ударив кейсом по рюкзаку. – Вот это встреча... Куда теперь неугомонный летописец путь держит? На Камчатку? На Таймыр?..

– Летопись ныне здесь, в столице, пишется, – отозвался Черников, отмечая, что за эти годы (сколько прошло?.. Больше десяти лет точно) юноша стал настоящим мужиком, обрел очевидную независимость и уверенность.

– Значит, по личному вопросу, – догадливо произнес Пабловский. – Тогда, скорее всего, в охотничью избушку от суеты... Нет, не случайна наша встреча... Отойдем-ка, где потише... – И повел его в сторону, к окну, где было не так многолюдно. Стал серьезным, негромко произнес: – Я, Борис Иванович, в команде Ельцина работаю и тебя давно разыскиваю...

– А чего меня искать, последние годы я сижу на одном месте сидел...

– Я в курсе, в курсе, – кивнул тот. – Нашел, где сидел, только ты уже вышел... Кстати, реабилитировали?

– Нет еще...

– Ускорим... А что же ты в Москве делал, что на глаза не попался?..

Не узнаю Бориса Ивановича...

– Да, вроде не таился... Даже выступал по просьбе Попова...

– Гавриила?.. Надо же, и ведь не сказал, что такого человека эксплуатирует... Одним словом, куда летишь?

– Да вот на родину надо, потом в Иркутск...

– Пошли билет сдавать, – Пабловский вновь подхватил его под локоть. – По всему вижу, что особо тебя никто не ждет.

– Да я еще и не брал.

– Тем лучше, – обрадовался тот. – Тогда пошли, меня машина ждет, по пути все обговорим.

– Куда?

– Ко мне домой, естественно, у тебя же здесь дома нет.

– Ну, во всяком случае я не бомж...

– Догадываюсь, какая-нибудь самаритянка приютит, приласкает, – перебил Пабловский, – но зачем ее утруждать. У меня большая квартира, я один... А ты, Борис Иванович, нам очень нужен... Видишь, какие дела делаются. Страну перекраиваем...

В черной «Волге» с молчаливым водителем за рулем по дороге обратно в Москву Пабловский стал вводить его в курс дела. Он познакомился с Ельциным, когда работал в его предвыборном штабе, и теперь возглавлял аналитическое управление. Ему нужны были умные головы, а уж головам с таким, как Бориса Ивановича опытом и талантом, просто цены нет. – Не знаю кто, в Бога еще не поверил, но кто-то сведущий тебя мне, Борис Иванович, послал. И мне поможешь, и воочию увидишь то, о чем мечтали. Никакого коммунистического мракобесия: свобода, демократия, собственность...

– Свобода, равенство, братство, – вспомнил Черников. – Не люблю я лозунгов. Но ради новой страны готов потрудиться. Хотя не все еще понимаю, слишком много поменялось за это время.

– Самое главное, коммунистов теперь нет и не будет, – азартно произнес Пабловский. – Наконец начнем жить, как весь цивилизованный мир.

– Так чего мы тогда к тебе на квартиру поедим?.. Давай сразу на твою работу.

– А действительно, ты уже и так насиделся... – не совсем уместно попытался пошутить Глеб.

...Управление, которым руководил Пабловский, занимало несколько комнат в одном из старинных зданий. Сотрудников было немного, за исключением двух ученого вида женщин остальные были мужчины из интеллигентных очкариков или высоколобых мыслителей. Они то рассеивались по кабинетам, молчаливо задумавшись, то перетекали группами из одного в другой, что-то эмоционально обсуждая. И на первый взгляд эта атмосфера мозговых атак, как догадался Черников, ему понравилась. При более близком знакомстве это впечатление укрепилось. Башковитые сотрудники (если не доктора и кандидаты каких-либо наук, то явные умники), очевидно, были идейно близки, а кое-кто и давно знаком. Но он так до конца и не понял, чем же, кроме проработки идей, они еще занимались. Уже знакомые лица вдруг сменялись новыми, потом и эти новые исчезали, сотрудники управления все время куда-то улетали, уезжали, им на смену появлялись другие, такие же энергичные и знающие то, что Черникову было неведомо.

Спрашивать Пабловского о задачах управления он не стал, надеясь со временем во всем разобраться. В его функции входила понятная и привычная работа: каждый день он шел в прежде недоступные ему архивы и продолжал то, что делал всегда: излагал свое понимание того, чего добились коммунисты за годы правления. В большой и пустой квартире Глеба они оба появлялись, как правило, около полуночи, чтобы разойтись по разным комнатам, отоспаться и с утра вновь бежать по делам. Выходных в управлении фактически не было, всегда кто-то чего-то не успевал, поэтому и в субботу, и в воскресенье никуда не уехавшие и не исчезнувшие сотрудники трудились, лишь позволяя себе уйти немного раньше, чем обычно.

В один из выходных Глеб уговорил Черникова сходить в ресторан, устроить праздник чревоугодия и пьяного веселья, объяснив это необходимостью разрядиться. Там он сразу же нашел знакомых, вместо пьяного расслабона получилась громкая планерка, Черников откровенно проскучал вечер, да и изысканная для других еда показалась ему невкусной и даже вызвала расстройство желудка.

На следующие выходные он в свою очередь убедил Пабловского устроить обед дома, вызвавшись быть шеф-поваром. И на этот раз они поели с удовольствием и без деловых разговоров никогда не надоедающей дымящейся отварной картошки, квашеной капусточки, соленых хрустящих огурчиков, селедочки, которые замечательно шли под холодную водочку, и тот согласился, что этот обед не только многократно дешевле ресторанного, но и вкуснее.

– Я бы на пару недель всех граждан страны в тюрьму сажал, – неожиданно сказал Черников. И пояснил удивленно вскинувшему глаза Пабловскому: – Там быстрее истинные ценности понимаешь...

Хотел было развить мысль дальше, рассказать, как бывает сладок затертый сухарь и живителен кипятик, но, взглянув на разомлевшего, отвалившегося на диване, распустившего уже наметившийся животик, довольного жизнью Глеба, передумал...

...Он покрывался архивной пылью, нисколько не сожалея об этом, и даже вдруг как-то утром поймал себя на мысли, что с удовольствием думает об ожидавшей его тишине этих хранилищ минувших судеб и дел, наконец-то понял Валентина Пикуля (хотя, привыкший строго относиться к фактам, не одобрял их вольное трактование в угоду интриге), подумал, а не стать ли архивариусом, пожалел, что жизнь столь коротка, – всего, чего хочется, не успеешь. И пото-

ропился завершить служебные изыскания, чтобы не поддаться соблазну и окончательно не превратиться в архивного червя. К тому же позвонили из издательства, пригласили прочитать гранки, хотя прежде обещали не раньше, чем через полгода (он выяснил у редактора – Пабловский ускорил), и он вновь вернулся в день сегодняшний, в котором не все еще было ему понятно...

Эта новая жизнь в новой должности, в новой стране хотя и вызывала порой эйфорию, не была стабильной. Он все еще продолжал ощущать происходящее и вокруг, и с ним неким временным действием, которое неизбежно должно было закончиться. Но, с другой стороны, не мог даже предположить, что будет потом, понимая при этом: так, как было прежде (до ареста и до распада СССР), уже не будет. А вот то, что было последние семь лет, вполне... От суммы да от тюрьмы...

Через пару месяцев он изложил все, что ему дали архивы и собственный опыт. Получилось документальное повествование о диссидентском движении в бывшей стране и борьбе с ним государства в лице Комитета государственной безопасности.

Положил рукопись Глебу на стол.

– Закончил? – уточнил тот.

Черников кивнул.

Пабловский начал просматривать рукопись по диагонали, к подобному скорочтению Черников привыкнуть не мог (никакого удовольствия), хотя иногда и сам прибегал к этому методу, читая нечто неинтересное, но обязательное. Но свою рукопись он неинтересной не считал и поэтому, чтобы не раздражаться, отвернувшись, стал разглядывать недавно появившийся над столом Глеба портрет Ельцина.

Когда вновь взглянул на Глеба, тот уже сидел в кресле, держа листы перед собой, и читал внимательно. Черников догадался, что тот добрался до описания одесского общества студентов, где когда-то (очень давно, в стране, которой уже нет) они познакомились...

Оставшуюся часть рукописи тот пробежал столь же стремительно. Потом вызвал помощника, молчаливого, подтянутого, с явной строевой выправкой. Это был единственный сотрудник управления, с кем за это время Черников так и не сошелся, то ли по причине постоянной занятости того, или потому, что оба не хотели этого: Черников – потому что уж слишком тот своей неприметной вездесущностью напоминал его недавних сторожей, а у помощника были, видимо, свои причины...

– Пусть наши специалисты определяют, куда и как это разместить, – приказал Пабловский. Тот молча кивнул и вышел.

Глеб развернулся в кресле к Черникову, доверительно сообщил:

– В течение недели опубликуем. – Довольно потер ладони. – Не будешь возражать, Борис Иванович, что без твоей подписи пойдет?..

Хороший удар коммунистам... Как передовица в «Правде»... Премияльные выпишу, само собой, серьезный труд...

– У меня зарплата министерская, – буркнул тот, не совсем понимая, где будет опубликован его труд и почему обязательно без подписи. – Да и ту тратить некуда...

– Это верно... – посерьезнел Пабловский. – Довели коммунисты страну до ручки... Но ничего, исправим и это... А пока копи, на мебель, жену... – И опять сменил тон: – Жениться собираешься, Борис Иванович? Вот квартиру получишь – и можно будет молоденькую...

– Пока получу, не до молоденьких будет.

– Скоро, Борис Иванович, скоро получишь... – пообещал тот.

– Однако ты всемогущий...

– Пока могу, – скромно подтвердил тот. – Пока папа благоволит. – Бросил взгляд на портрет и продолжил: – А теперь надо нам собрать компромат на центральный комитет партии. Пришла пора прикрыть эту лавочку. Доступ кое к каким документам мы тебе обеспечим...

– Я уже все, что хотел, им предъявил, – перебил его Черников.

– За столько лет в лагерях?.. За десятилетия притеснений?.. – искренне удивился Пабловский. – Я ведь помню, когда мы познакомились, ты уже у них под колпаком был... Сам говорил, что вся страна – лагерь...

– Твое управление напоминает мне службу Геббельса, – вдруг брякнул Черников только что пришедшее в голову. – Ты извини, Глеб, но то, что я делал эти месяцы, мне нравилось. Этой рукописью я отдал долг своим единомышленникам. И тем, кто жив, и кого уже нет на этом свете. И я сказал все, что хотел. Собирать же дерьмо по чьему бы то ни было заказу я не буду...

– А если это дерьмо...

– Каким бы оно ни было, – не дал ему договорить Черников, – это не моя профессия. И у меня уже не так много лет осталось впереди, чтобы тратить время на то, что не нравится... И еще, Глеб, ты извини, но под тем, что я делаю, я всегда ставлю свою фамилию. Прятаться я не привык.

– Ах, ты об этом... – Пабловский явно был огорошен. – Хорошо, я дам команду, пойдет под твоей подписью. – Примирительно добавил: – Ладно, найдем другого на эту работу. К сожалению, ее тоже надо делать... А тебе я подберу то, что тебя заинтересует.

– Не стоит... Если я тебе больше не нужен, так и скажи, не обижусь, разучился... Вернее, обучили...

– Видишь ли, Борис Иванович, время – динамичная категория, мы многому сейчас учимся у наших коллег за рубежом, осваиваем политтехнологии, без которых эффективно управлять массами невозможно... – начал Пабловский.

Черников не дал закончить.

– Я бы с удовольствием выпускал какой-нибудь журнал... Или газету... Нет такого в ваших планах?

– Пока нет, – неуверенно отозвался тот. – Может, в других службах, в министерстве печати... А ты серьезно хочешь выпускать газету?

– Вполне. Сосватай главным редактором на приличное издание...

– Так это ты всерьез?.. Давай я лучше тебя начальником отдела поставлю, будешь нашими мозгами руководить.

– Поздно уже переучиваться. Да и руководить не люблю... А тем более под начальством ходить... Так что на полном серьезе моя просьба... А теперь бы мне на пару недель куда-нибудь в глушь...

Пабловский окинул Черникова непонимающим взглядом, но ничего уточнять не стал. Спросил:

– Подмосковье устроит?

– Вполне...

– Ладно. – Он помолчал и после паузы добавил: – Что-нибудь придумаем...

Досиживать рабочий день Черников не стал, пошел бродить по Москве. И в этот раз показалась она ему еще более суетливой и отстраненной, чем прежде, примечательной очередями у газетных киосков, винных отделов, магазинных полупустых прилавков. И в этом человеческом вихре, живущем по своим законам, он вдруг ощутил одиночество.

Нашел не оборванный, работающий таксофон, набрал номер Галины.

Тот молчал.

Постоял в нерешительности, стараясь вспомнить ее рабочий номер (которого, впрочем, и не знал), потом вернулся в управление.

В кабинете под взглядами сослуживцев очистил ящики своего стола и, сложив личные вещи в старый коричневый портфель, который позаимствовал у коллеги, охотно избавившись от надоевшей и уже ненужной, но все же чем-то дорогой вещи, зашел к Пабловскому.

Тот поднял глаза от объемистой папки, мимоходом прикрыл ее лежащей на краю стола газетой, словно не замечая постной физиономии Черникова, бодро отрапортовал:

– С завтрашнего дня ждет тебя, Борис Иванович, переделкинская творческая атмосфера. – Подождал проявления радости, но Черников лишь поджал губы. – А также коллеги по перу... – Не так бодро, но все же выговорил заготовленное: – Есть там, с кем вечера коротать?

– Найдется, – отозвался Черников, осмысливая такой поворот и передумывая высказывать все, что хотелось, по поводу деятельности руководимого Глебом учреждения. Уточнил: – В Дом творчества?

– В он самый... И отдыхай, сколько заблагорассудится. Один срок уже оплачен...

Лицо Черникова потемнело.

– Извини, Борис Иванович, я имел ввиду курс или, как там, путевку...

– Да ничего... Однако слово материально... Спасибо тебе за заботу... И что, могу прямо сейчас поехать?

– Можешь, только зачем? Посидим вечером, – и всплеснул руками, что-то вспомнив. – Нет, не посидим... – Глянул на часы. – Я через шесть часов улетаю.

– Далеко? Надолго?

– В Магадан... – Усмехнулся. – По доброй воле... Между прочим, познакомлюсь со знаменитыми местами... Пока на неделю, а там как дела пойдут...

– Злодейства коммунистов изучать?

– И их тоже, – уклончиво отозвался Пабловский.

– Ну ладно, тогда я сегодня и отправлюсь... мотать срок, – отчего-то обиделся Черников, понимая, что это глупо, но не в силах сдержаться.

– Отдохни, Борис Иванович, – отстраненно произнес Глеб, смахивая газету с папки, которая явно хранила в себе какие-то секреты...

...Пабловский появился в Доме творчества через пару недель, когда Черников уже пресытился общением с себе подобными, крепко рассорившись с доброй половиной временных обитателей этого заповедного места, апологетами уходящего режима, и предпочитал теперь вместо дебатов неспешные прогулки по окрестностям или нечастые визиты к Фазилю Искандеру, с которым был знаком с той поры, как прочел в самиздатовском «Метрополе» «Пир Валтасара» и не выдержал, напросился на встречу, собираясь написать очерк, но очерка не получилось, а проговорили они тогда допоздна и потом еще не раз встречались. И когда он ожидал суда, Фазиль организовал публикацию его рассказа в солидном еженедельнике. Это возымело действие, внесло сумятицу в судейские ряды, заставило поубавить рвение, отказаться от большего, требуемого прокурором срока.

Фазиль был по-восточному мудр, не спешил ни превозносить, ни хаять задорно-скандального Ельцина, его сейчас больше заботила назревающая война в родных местах. Он пытался примирить грузин и абхазов, хотя не очень верил, что это удастся совокупно всем миротворцам.

Они посидели вечерок за хорошим вином, немного посплетничали, существенно перемысли косточки тем, кто пришел к власти, находя в их действиях непродуманную торопливость, порадовались возвращению из американского Вермонта Солженицына, веря, что услышат от него ответы на многие вопросы, на которые не способна ответить власть, и расстались с пониманием необходимости раздельного плавания в этом все более и более начинающим штормить море человеческих судеб...

Глеб прикатил под вечер на служебной «Волге», уверенный и преисполненный понимания своей значимости, из вместительного дипломата вытащил бутылку французского коньяка, баночку черной икры с этикеткой на английском языке, сервелат, сыр, пару банок шпрот, пару лимонов, коробку шоколадных конфет. Быстро сообразил импровизированный стол, болтая о пустяках, погоде, скандалах московских знаменитостей, об энтузиазме народа «от Москвы до

самых до окраин», освобождающегося от гнета коммунистов, потом заставил выпить и похвалить действительно неплохой коньяк и только после этого перешел к делу.

– Ну что, Борис Иванович, давай вторую за твое редакторство...

– И, подняв рюмку, торжественно произнес: – Выбирай: «Огонек» или «Московские новости»? – Видя удивление Черникова, со смехом сказал: – Шучу, Борис Иванович, шучу... Этих не сдвинешь... Но мы вот тут задумали открыть на всю Россию правительственную газету.

На нее и сядешь... Давай за это...

– погоди, Глеб... Какая еще правительственная?

– Как и положено. Новая «Правда»... О! – Он воздел палец.

– А что, хорошее название: «Новая правда».

Черников выпил залпом.

Поморщился. Не столько от коньяка, сколько от возникшего вдруг четкого понимания, что ничего в этой «Новой правде» нового как раз и не будет.

– Спасибо, конечно, за честь, но я откажусь.

Глеб даже поперхнулся коньяком. Откашлявшись, удивленно уставился на Черникова.

– Шутишь, Борис Иванович? От таких предложений не отказываются.

– Значит, буду пионером...

– А почему? – поинтересовался Глеб после паузы. – Если, конечно, не секрет.

– Никакого секрета. Я слишком долго зависел от других... И службу подневольного редактора хорошо знаю.

– Ну, это при большевиках было, теперь никто плешь проедать не будет, – с облегчением произнес Пабловский. – Я уже тебя Полторанину расписал, он ждет...

– Кто такой Полторанин?

– Министр печати...

– Который в «Правде» работал?

Черников положил в рот дольку лимона, стал медленно жевать.

Выражение его лица не менялось, а Пабловский не выдержал, скривился, словно ел сам, сглотнул слюну, философски изрек:

– Все мы выросли из одной шинели...

– Вот поэтому и знакомиться не стоит, – многозначительно произнес Черников. – Если ты хочешь мне помочь, то найди что-нибудь не в Москве... Например, в старом русском городе Ярославле... Или в Смоленске...

– Там искать нечего... Пока до провинции дойдет... Нет, ты серьезно отказываешься? – опять засомневался Глеб. – Ладно, не хочешь на «Новую правду», давай другую подберем...

Черников покачал головой.

– В Москве не хочу оставаться. Отвык, видимо, за эти годы... От суеты, спешки... От того, чтобы угождать одним и наступать на мозоли другим... Хочу что-нибудь свое делать, независимое ни от кого, кроме меня и Бога... Я тут прикинул, на пару номеров у меня денег найдется, а там, глядишь, добрые люди помогут...

– Нет, я тебя все-таки не пойму. – Глеб неторопливо вытер пальцы большим клетчатым носовым платком, с каждым движением становясь все трезвее и серьезнее. – Ты действительно хочешь издавать свою газету?

– Хочу, – твердо произнес Черников.

– В провинции?

Он кивнул.

– И, конечно, не продажную... Ну, я имею в виду, не обслуживающую ничьи интересы...

Черников опять согласно кивнул.

– В таком случае это предприятие обречено.

– Мы все изначально обречены. Ничто не вечно под луной, – оптимистично изрек Черников. – Но порой пилигрим значит больше правителя. Это тебе еще хочется насладиться утехами преходящими, у тебя впереди есть время и разочароваться, и покаяться, если что... Я свой лимит уже использовал, сделать бы то, что задано...

– Философ ты, Борис Иванович... Уж не поверил ли во Всевышнего?

– Воспитание постичь не позволяет. Но в атеисты уже не записываюсь.

– С такой позицией не поспоришь, – развел руками Пабловский.

– В таком случае могу тебе только помочь материально. Пару-тройку спонсоров для твоего издания обещаю найти. Да и сам внесу лепту.

Поднялся. – Позагорай тогда еще недельку, Борис Иванович. И прикинь, какой капитал тебе нужен на первое время. Да определись, куда путь держать... Может, лучше в Тулу?

– Поможешь со спонсорами – спасибо скажу. А куда ехать, определюсь.

– «Не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремление», – процитировал Пабловский, выходя из комнаты. И, глубоко вдохнув морозный воздух поздней осени, уже для себя самого констатировал:

– Стареем, Борис Иванович, стареем... Но, может, это и правильно, вряд ли ты впишешься в нынешнюю жизнь...

Красавин

Если кто-то и управляет человеческими судьбами, то делает он это непостижимым для человеческого ума образом. И все оценки между «хорошо» и «плохо» – это всего лишь близкий горизонт. Главное – что там, в неведомой дали событий жизни одного человека, народа, государства.

Уходя из редакции со статьей «Несоответствие занимаемой должности», по сути – с «волчьим билетом», Красавин думал, что теряет, а оказалось, что он приобрел. Прежде всего приобрел Анну, настоящую его половинку, человека, с которым он мог делиться всем, что его волновало, который от него ничего не требовал и готов был отдавать ему свою любовь, тепло, заботу. А еще он обрел множество новых знакомых, прежде звонивших, а потом и ставших завсегдатаями многолюдных шумных собраний во дворе дома Анны. (Он теперь жил у нее.) Всех этих людей объединяло нежелание более быть рабом системы, готовность действовать. Подобные собрания напоминали Виктору революционные маевки начала века, как он их сам себе представлял. В большом дворе под абрикосом и черешней они соорудили длинный узкий стол, вдоль него – импровизированные скамейки из досок, а те, кому не хватало за столом места, пристраивались вокруг на вынесенных из дома стульях, а то и просто на корточках. Анна выносила пару чайников, стаканы (которые приходилось постоянно подкупать), сахар, печенье, и за жаркими спорами и обсуждением идей преодоления сопротивления отжившего, уходящего партийного диктата чайники опустошались, печенье поедалось. Но взамен оставалось более ценное – единство устремлений и готовность защищать объединяющие идеи.

Постепенно сложился костяк, два десятка человек, в основном представители научной и творческой интеллигенции (хотя в их числе были и начинающий кооператор, и профсоюзный деятель), которым в одно из таких чаепитий и пришла идея объединить всех жаждущих перемен в некую силу, которая должна выражать и отстаивать истинные помыслы народа. Подобные самостоятельные движения уже разворачивались по стране, заставляя местную власть учитывать мнение людей, предпринимать хоть какие-то меры, чтобы затормозить стремительное скатывание экономики к полному развалу. Из-под спуда запретов, тайны архивов, замалчивания вдруг прорвался, стал доступен огромный пласт информации, выплеснувшийся на страницы газет, листовок, журналов. Так же, как и десятилетиями копившееся народное недовольство. Красавин, словно вечный студент, собирал, анализировал эту информацию, нередко вспоминая Жовнера, удивляясь, почему сам не оказался проявлением свободомыслия – он бы уж точно

не отошел в сторону, не променял бы возможность сделать общество свободным на спокойную жизнь и даже взаимную настоящую любовь...

Плеяда революционеров, которая для Красавина заканчивалась последним горячим латиноамериканцем Че Гевара, дополнилась вдруг знакомыми и незнакомыми именами тех, кто еще со времен Сталина не боялся выражать свое мнение. Теперь он уже знал, чем провинились в свое время писатели, имена которых когда-то называл ему Жовнер. Этот список все пополнялся и пополнялся именами людей разных профессий, живущих или живших в разных городах, и вскоре Красавин уже перестал сомневаться, что думающих, как он, не маленькая кучка так называемых «отщепенцев», а тысячи, может быть, и сотни тысяч граждан огромной страны. И тогда отпали последние сомнения: он был готов служить народу.

Теперь он внимательно следил за появляющимися в прессе сообщениями о гонениях на несогласных с режимом. В Москве широкую известность приобрела правозащитница Валерия Новодворская и бывший генерал, политзаключенный Сергей Григорянц. Виктору прислали журнал «Гласность», который Григорянц издавал, и он прочитал его от корки до корки. И решил последовать примеру – издавать свой журнал.

Эта идея стала главным делом его жизни; поначалу распечатанный на машинке в сотне экземпляров новоявленный, нигде не зарегистрированный и никем не одобренный журнал выходил, когда набирался материал, а через пару месяцев стал выходить регулярно.

Теперь у него было свое печатное издание, вызывающее интерес, передаваемое из рук в руки, прочитываемое от первой до последней строчки и приводящее в становящийся все более тесным дворик все новых и новых единомышленников.

И уже не только в столице, в других крупных городах страны, даже в далеком Красноярске, набирало силу неформальное движение, декларирующее активную и действенную поддержку перестройке. Было очевидно, что это движение, подобное маевкам начала двадцатого века, называемое по-новому политклубами, охватило значительную часть страны. А в Москве был образован Народный фронт, объединивший разрозненные группы активных сторонников общественных реформ. Он рассылал свой журнал и получал в обмен из других городов материалы на подобные темы, все более и более убеждаясь, что в стране поднимается мощная революционная волна, что есть люди, готовые кардинально изменить ситуацию топтания на месте и провозглашения лозунгов. В одно прекрасное мгновение понял: время разговоров и слов закончилось – пора действовать. И вывел своих сторонников на центральную площадь города...

Теперь предыдущая жизнь казалась ему бессмысленно прожитым отрезком, похожим на сон, когда ты вроде и хочешь что-то делать, тщишься, напрягаешься, но ничто тебе не подчиняется, все вокруг происходит помимо твоей воли – остается лишь поскорее проснуться и стряхнуть, забыть ночной кошмар. И он стряхивал его с себя зажигательными речами перед собравшимися на площадях и еще не определившими в нарастающем противостоянии прошлого и будущего собственную позицию согражданами, обличая не способную ни на что нынешнюю власть. Ему запрещали проводить митинги, но он игнорировал запреты. Их разгоняли, и он с азартом сопротивлялся растерянным милиционерам, осваивающим новую и непривычную для них обязанность избиения собственного народа. Он устраивал шествия, пикеты, голодовки... Наконец, его арестовали, осудили на пятнадцать суток, не придумав ничего иного, как обвинить в хулиганстве. Он отсидел этот срок с далекими от политики согражданами, которые в конце концов поверили ему, и только равнодушное отношение к любой политике не привело их в число его сторонников.

Стремительно слабеющая власть все же пыталась сделать его своим сторонником. Сначала через официальных представителей – заведующего отделом пропаганды крайкома партии, затем через крайкомовских знакомых – Сенцова и Дзугова.

Первый попил чайку за длинным столом, горячо поспорил со сторонниками Красавина, убеждая их в том, что рано они хоронят коммунистический режим и нет никакого смысла переносить противостояние на улицы, ибо это чревато революцией, а любая революция, в свою очередь, чревата разрухой, анархией, к тому же, как правило, обладает способностью поедать своих творцов. Красавин не спорил, предоставив возможность поупражняться товарищам, среди которых были не только инженеры, строители и педагоги, но и кандидаты философских и политических наук. Ушел тогда Сенцов, так ни в чем их не убедив, косвенно подтвердив, что они уже стали силой, которую власть начинает бояться...

С Дзуговым они встретились наедине в парке, мирно посидели на скамеечке, негромко разговаривая и наблюдая за совершенно далекими от политики влюбленными и молодыми мамашами с малышами, которым предстояло жить уже в новой стране (в этом Виктор не сомневался). Убеждать в том, что власть крепка, Дзугов не стал. И даже предсказал ее скорое падение, но предположил, что большинство нынешних обитателей кабинетов найдут себе тепленькое место и в новой ситуации. Он предупредил Виктора об опасности, идущей со стороны спецслужб, но согласился, что его большая известность как раз и является иммунитетом против тихого устранения, но не уменьшает вероятность провокаций.

– Ладно, считай, что я с тобой разъяснительную беседу провел, – завершил он дипломатический раут. – Ты, естественно, ни в чем не переубедился, но миссию свою я выполнил. Так и доложу. – Пожимая руку, блеснул глазами и добавил: – Большим деятелем станешь – надеюсь, мою лояльность зачтешь...

– Слушай, Слава, давай к нам...

– Ты знаешь, оказывается, я консерватор... К тому же привык к кабинетной тиши... И Галка у меня к хорошей зарплате приучена.

– Смотри, не опоздай.

– Но и раньше времени спрыгивать тоже опасно...

Пару раз на митингах среди слушателей он видел своего бывшего шефа – все еще главного редактора краевой партийной газеты Кучерлаева. Тот, как правило, выслушивал речь Красавина и уходил.

Первое время в краевой газете регулярно появлялись обличительные по отношению к Красавину и его соратникам статьи, потом они переродились в расширенные информации, наконец, в короткие, в несколько строк, хроники. Но это Виктора уже не волновало: тираж их самиздатовского журнала рос и стремительно расходился на митингах, производя гораздо большее впечатление, чем публикации в главной партийной газете края.

После одного из митингов к нему подошел бывший единомышленник, а потом соперник в краевой молодежи Кантаров. Протянул визитку, из которой следовало, что он теперь возглавляет издательский кооператив, и, пряча в окладистой бороде снисходительную улыбку, предложил выпускать журнал типографским способом и хорошим тиражом.

– За чей счет? – уточнил Красавин.

– За мой, Виктор, – произнес он с ударением на втором слоге. – За чей же еще, у революционеров денег никогда не было, за мой...

– Меценатом выступишь?

– Зачем меценатом?... Прежде надо капитал нажить... Давай встретимся у меня в конторе, обсудим, какой процент от выручки тебе...

– Давай, – согласился, не вникая в смысл, Красавин. Но тут же спохватился: – Хотя нет, не будем встречаться... И продолжать не будем. За то, чтобы знать правду, люди платить не должны...

Кантаров окинул его взглядом острых глаз, усмехнулся...

– Я гляжу, вошел ты в роль... Все в спасителя человечества играешь... Ладно, созрел до понимания прибавочной стоимости, заходи. Только долго не тяни, а то передумаю...

И неторопливо пошел через площадь к ждущей его машине...

Красавин проводил тяжелую, по-утиному переваливающуюся фигуру взглядом, несколько ошарашенный не столько услышанным, сколько тоном, которым все это было сказано. Неторопливо уходящий Кантаров, выделяющийся и размерами, и неуместной неспешностью, казался в этой бурлящей толпе чуждым островком... Манящим и одновременно необъяснимо пугающим своей незыблемостью.

Красавину не дали осмыслить этот феномен.

Его окружили участники митинга, посыпались вопросы, предложения, но краем глаза Виктор заметил, как Кантаров садится в «Волгу» и удивился: неужели тот уже успел заработать на машину, и тут же забыл, отвечая на вопросы, разясняя, распоряжаясь, растворяясь в той стихии, которая была ему понятна...

Он вспомнил о Кантарове, а заодно и о других своих знакомых и бывших коллегах, оставшихся в прошлом, в постели, когда Анна сонно задышала ему в плечо. Ему не спалось. Лежал, разглядывая в отсветах раскачивающегося уличного фонаря блуждающие тени на потолке. Одна из них вдруг напомнила Кантарова. Он осторожно отодвинулся от теплого тела с выпирающим животом, с затаенным удивлением отметив, что совсем скоро появится на свет новый человек – их с Анной совместное творение, и вышел во двор.

Сел на ступеньки крыльца, глядя на звездное небо, попытался систематизировать события последних месяцев.

Несомненно, что-то происходило с ним, со временем, со страной... И, на его взгляд, происходящее сулило впереди только хорошее. Он вновь обрел утраченную было уверенность в том, что делает дело, нужное людям, обществу. А еще было ощущение, что то, что прожито-пережито до увольнения из редакции, происходило не с ним, а совсем с другим человеком, который имел к нему косвенное отношение... Удивительно, что все, что было до окончания института, он осознавал как собственную жизнь. Но вот немалый отрезок после, вплоть до приобретения статуса безработного, воспринимал как бы со стороны, словно те годы жизни принадлежали не ему, другому человеку. И у того, другого, была своя семья, работа, карьера, друзья, начальники и подчиненные... И тот, другой, делил с ними, в общем-то не очень и нужными ему людьми, заботы и успехи, горе и радость...

Настоящая жизнь началась совсем недавно. Может быть, с той самой минуты, когда он увидел ожидавшую его Анну. И теперь его окружали не просто знакомые и сослуживцы, которых связывает либо приятное времяпрепровождение, либо совместное исполнение неких обязанностей, а единомышленники, соратники, готовые встать плечо к плечу, если потребуется, сражаться и объединить усилия и не щадить себя, если нужно будет, свернуть горы... Это было то, о чем писали в книгах и что ему прежде если и приходилось переживать, то разве что в подростковых драках: осознание силы идеи, ее приоритета над жизнью... И чем яснее было это осознание, тем лучше он понимал свою зависимость от тех людей, которые поверили в озвученную им идею и встали рядом с ним...

С каждой проведенной акцией его сторонников становилось все больше. Присланные разгонять митингующих милиционеры, среди которых были и их знакомые, выглядели все растеряанее. Его арест был отчаянным и неразумным шагом, и он послужил хорошим катализатором: теперь даже те, кто еще вчера колебался, осторожничал, не торопился на площадь, отбросили последние сомнения в разумности агонизирующей власти. Он вышел из тюрьмы как неоспоримый и долгожданный вождь: за воротами его ждала многоголовая толпа, которая, против его воли, подхватила на руки, понесла, щедро расплескивая неудержимую энергию, и возвращение в мир превратилось в громкий, никем не санкционированный митинг, на котором Красавин дал согласие баллотироваться в депутаты краевого Совета народных депутатов, выборы в который были уже близки.

Теперь деятельность уже приобретшей четкие формы и дисциплину организации была направлена на конкретную цель. И этой деятельности уже не в силах была противостоять ни коммунистическая, ни какая-либо еще власть. А избрание Красавина и еще нескольких его соратников депутатами стало закономерным итогом новых качественных изменений в тактике борьбы против отжившего, но никак не желающего уйти мирно прошлого.

В депутатском корпусе демократы оказались в меньшинстве, и единственное, что они могли противопоставить все продолжавшему править бал единогласию остальных, – это бурное проявление своего несогласия, информирование своих сторонников и населения о неспособности их коммунистических избранников.

Стало ясно, что настоящая борьба только разворачивается. Что депутатский мандат не позволяет реализовать идеи, а, как и в застойные годы, остается лишь способом удовлетворения тщеславия, а сам народный избранник служит своеобразной защитной стеной власти, продолжавшей сидеть в уютных кабинетах, от народа. Красавин стал подумывать об отказе от депутатского удостоверения, но тут грянули события, изменившие страну.

На всю жизнь он запомнил показанные телевизионщиками трясущиеся руки вице-президента СССР, растерянные, но пытающиеся изображать уверенность лица высших партийных руководителей страны, объединившихся под звучной аббревиатурой ГКЧП, их очевидно лживое заявление о том, что президент СССР Михаил Горбачев не в состоянии далее исполнять свои обязанности и теперь они, члены Государственного комитета по чрезвычайному положению, поведут страну по верному пути.

Красавин срочно собрал революционную тройку (как он окрестил своих активных помощников – Игоря Дубинина, бывшего профсоюзного босса среднего звена, Олега Павлова, бывшего младшего научного сотрудника научно-исследовательского института, и себя).

Дубинин – сорокалетний, энергичный, вспыльчивый, порывистый, органически не переносивший никакого диктата власти, отчего и прослыл в профсоюзных кругах смутьяном и продержался так долго только потому, что члены профсоюза транспортников, комитет которого он возглавлял почти десятилетие, несколько раз единогласно, невзирая на рекомендации вышестоящих товарищей, переизбирали его. Когда началась перестройка, Игорь Дубинин перешел от защиты к нападению, стал критиковать краевой профсоюзный комитет, его председателя, заместителей, обвиняя в использовании служебного положения в личных целях, тем самым заставив их объединить усилия и наконец-то добиться хоть маленького, на пару голосов, но перевеса на очередных выборах.

Олег Павлов был немного моложе. Как и подобает научному работнику, всегда спокоен, рассудителен. Поспешности он не любил и говорил исключительно по делу. В любом действии противника или власти искал прежде всего логику. Олег тоже был депутатом краевого совета, но, в отличие от Красавина и Дубинина, ни с кем из народных избранников не ссорился, в дебаты не вступал, к представителям всяких течений был вхож, благодаря чему обладал большей, чем Красавин, информацией, и тот к его мнению прислушивался. Павлов был своего рода противовесом Дубинину. И подобная полярность ближайших единомышленников Красавина устраивала.

Он собрал их, оторвав от дел, и они отнеслись к этому с пониманием. Дубинин, уже зная, по какому поводу экстренный сбор, с порога признался, что сам просто офигел от увиденного, а Павлов, принципиально игнорирующий телевизор, был чист для восприятия, как ребенок, и оттого долго вникал в ситуацию, пока воочию не увидел повтор официального сообщения, и тут даже его прорвало:

– Война, братцы мои... Это гражданской пахнет...

Они сидели на кухне, плотно прикрыв дверь, хотя спальня, где пыталась заснуть настроенная вот-вот рожать Анна, была далеко.

Она прислушивалась то к себе, к тому, что вот-вот должно было отделиться от нее, то к всплескам неясных голосов, разрываясь между своей нужностью еще не родившемуся существу и уже пожившему, но такому же незащитному взрослому человеку.

– Да ты что! Какая война? – вспыхнул Дубинин, собираясь, как всегда, поспорить, но, подумав, согласился. – А что, вполне... Надо срочно поднимать ребят, будем вооружаться...

Может, и пошутить хотел, а получилось на полном серьезе. Красавин усмехнулся, вспомнив: «Булыжник – оружие пролетариата». И хотя не верил в подобное развитие событий (ни к чему это, Анне вот-вот рожать), подумал о карабине в отцовском доме, который надо бы забрать себе...

– Вопрос традиционный: что будем делать? – стараясь как можно спокойнее, произнес он, хотя за время, пока соратники добирались, уже позвонил в Москву коллегам по борьбе, кое-что разведаль, кое в чем разобрался, пришел к определенному выводу. Но нужно было подтверждение ближайших помощников.

– А что в столице? – спросил мудрый Павлов.

– Нам столица не указ, – не ожидая ответа Красавина, отрубил Дубинин. – Тут и думать нечего, людей надо выводить на площадь.

– Ну да, сейчас? – ехидно заметил Павлов.

– А что, до утра ждать?.. Они не лыком шиты, уже, наверное, солдат из казарм выводят...

Павлов вопросительно смотрел на Красавина.

– Я звонил в Москву, – наконец произнес тот. – Там народ поднимается. Вроде Ельцин всех призвал к сопротивлению. Армия действительно приведена в боевую готовность, но чьему приказу подчинится – пока неясно...

– Москва Москвой, они там сами разберутся, нам надо здесь не упустить ситуацию. Надо всех наших сторонников стягивать на площадь к крайкому. Не дать им пройти в свои кабинеты. Вы меня послушайте, я эту братию знаю, они своего без сопротивления не отдадут. А это четкий сигнал для них, – все больше распалялся Дубинин. – Надо прямо сейчас обзвонить, кого сможем, чтобы те обзвонили других...

– Но зачем ночью на площадь идти? – спросил Павлов. – Это совершенно нелогично...

– Вот именно! Этого они от нас и не ждут! Ночью все темные дела и делаются...

– У нас не темное... – вставил Красавин.

– Само собой, я про них. Главное, не допустить их к рычагам управления...

– Почта, телеграф, телефон... Мосты... – вспомнил вдруг хрестоматийную цитату партийного классика Красавин. – Мостов, правда, у нас нет, – задумчиво добавил он.

– Вообще в этом логика есть, – согласился после паузы Олег Павлов.

– Витя, можно тебя на минуточку, – позвала появившаяся Анна.

Она была неестественно изогнута, и, торопливо поднимаясь, Красавин уже знал, что случилось. Спросил:

– Позвонила?

Она отрицательно покачала головой. Тяжело опустилась на диван в гостиной, обхватив живот ладошками, покусывая нижнюю губу, глядя на него, но, похоже, совсем не видя. Он набрал «неотложку», с трудом дождался ответа.

– Срочно приезжайте, жена рождает! – прокричал, пытаясь заставить проснуться ответившего на другом конце, – и чуть не бросил трубку, забыв назвать адрес.

Два раза повторил его, уже спокойнее, поверив, что там проснулись до конца, попросил быстрее приехать и присел рядом с Анной, стараясь понять, что для него сейчас важнее: выводить людей на площадь или ехать с ней в роддом.

– Иди, – негромко сказала она. – Я подожду... Здесь от тебя уже ничего не зависит.

И попыталась улыбнуться белеющими губами.

– Я сейчас их отправлю, – принял решение Красавин. – Они пока справятся без меня...

– Рожает? – догадливо встретил его Дубинин. – Ты давай тогда с женой, дети рождаются быстрее, чем революции, а мы сами народ поднимем... Не возражаешь? – спросил, не сомневаясь в ответе, и Красавин не стал изображать вождя, согласно кивнул.

– Давайте, поднимайте всех, кого сможете, я отвезу и приеду... – И, пытаясь снять напряжение, добавил плакатное, несерьезное: – Не дадим расползтись этой контрреволюционной гидре...

...Перед рассветом, когда вокруг здания крайкома партии стояла живая стена сторонников Красавина, раздался первый крик его сына. Но Виктор узнал об этом позже, когда площадь уже отшумела невиданным прежде митингом, на котором была принята жесткая резолюция, похожая на ультиматум, и, очевидно напуганные этим многотысячным единодушием, первый секретарь крайкома партии и председатель крайисполкома обещали подчиниться воле народа, выраженной ее избранныками на спешном внеочередном заседании краевого Совета народных депутатов. Впрочем, их слова уже мало что могли изменить, потому что поднятые по тревоге и прибывшие к площади милиционеры скоро нарушили строгий порядок своего строя, растворились в толпе, находя своих родных, знакомых, обещая, невзирая ни на какие приказы, не идти против своих.

После митинга у него была пара часов до начала заседания, Виктор смотался в роддом, узнал у словоохотливой сестры, что роды прошли нормально, как и должно было быть у здоровой бабы, постоял под окнами, покричал, надеясь увидеть Анну, засвидетельствовать свое отцовство, но она так и не выглянула. Медсестра успокоила, сказав, что роженица пока отдыхает, но ей передали, что отец счастлив. Он оставил этой сестре букет, который зачем-то купил по пути, хотя знал, что передавать его молодой маме нельзя, и поехал обратно, внутренне ликующ от событий этого удивительного дня...

Заседание краевого совета было бурным и долгим. Несколько раз Красавин выходил к трибуне, убеждая самых упрямых и твердолобых, апеллируя даже к их гордости: надо же так выставить на посмешище земляка! К тому же расползались слухи, что никакого заявления Горбачев не писал, что он арестован и сидит в Крыму в Форосе на даче со всем семейством. И что похожий одновременно и на царя, и на медведя Ельцин собирается лететь к нему, чтобы Горбачев самолично заявил о сложении полномочий, тогда только народ успокоится. А народ действительно уже бурлил по всей стране, и все больше и больше депутатов это понимали, как понимали и приглашенные держатели властных рычагов, поэтому резолюция получилась пусть и не совсем такой, какой хотел Красавин, но тем не менее определившей отношение к ГКЧП как к комитету, не обладающему властными полномочиями, а значит, и все его решения не являлись обязательными к исполнению.

Это была победа.

Во всяком случае, так думали он, Дубинин и Павлов, когда вечером отмечали рождение сына и победу. Победу и рождение нового человека, которого тут же и нарекли Борисом – в честь человека, взявшегося вывести страну на магистраль общечеловеческого прогресса.

И, как будто знали, именно в этот момент позвонили из Москвы, из штаба Ельцина, поинтересовались ситуацией в городе, крае. Поздравили с эффективным противостоянием реваншистам. Посоветовали не расслабляться и рекомендовали Красавину срочно вылететь в столицу, обсудить дальнейшие действия.

Он выговорил несколько дней отсрочки, надеясь к отъезду забрать жену с сыном из роддома и считая, что к тому времени уже многое прояснится, и оказался прав. Когда Анна распеленала маленькое, черноволосое, большеухое, выражающее очевидное недовольство вхождением в этот мир тельце, Горбачев уже был освобожден из форосского заточения, всем было ясно, что переворот ГКЧП не прошел и что Горбачеву вряд ли удастся удержаться на посту президента СССР. Новым президентом страны, несомненно, станет нынешний президент России Борис Ельцин.

В Москву Красавин ехал уже с пониманием, кого следует теперь слушать. В политических пристрастиях он определился раньше, когда вступил сам и убедил своих сторонников вступить в Демократическую партию России. Один из ее лидеров – строитель, Герой Социалистического Труда Николай Травкин, который стал известен во времена ускорения и перестройки благодаря внедрению хозрасчета, по-мужицки грубоватый и напористый, ершистый по отношению к власти, – ему нравился. При первой личной встрече он еще более укрепился в симпатиях: тот оказался в разговоре искренен, обтекаемых фраз не любил, правду-матку рубил с плеча... Довольно скоро, правда, он разобрался, что и демократам, как и всем прочим, присуща кулуарная борьба, интриги, его прощупывали то сторонники одного из претендентов на лидерство, то другого, в конце концов ему это надоело, и необязательных встреч и разговоров Красавин стал избегать, а решив конкретные вопросы, в партийных кабинетах не задерживался.

На этот раз в партийном штабе он был совсем недолго, проинформировал о произошедшем, сдал новый список членов партии, за последнее время значительно увеличившийся, забрал информационно-агитационные материалы и отправился в администрацию Ельцина.

Оказывается, он уже был внесен в список на аудиенцию с президентом России, но прежде его попросили зайти к начальнику аналитического управления Пабловскому. Тот оказался энергичным брюнетом лет тридцати пяти, с озабоченным выражением лица, но с манерами опытного ловеласа. Пабловский приказал секретарше принести кофе, сославшись на то, что сам не успел позавтракать (что говорить о Красавине, который с самолета сразу по кабинетам), и настойчиво рекомендовал тому слоеные булочки, действительно оказавшиеся довольно вкусными, но сам, сделав пару глотков, чашку отставил и стал говорить, что давно отслеживает ситуацию на Северном Кавказе и непосредственно в крае.

– У вас, дорогой Виктор Иванович, форпост. Это мы хорошо понимаем. Сепаратисты зашевелились, постараются воспользоваться нынешней неопределенной ситуацией. Но если Прибалтика, по сути, никогда и не была равной среди равных, там все эти годы на Запад ориентировались, то Северный Кавказ – это российская территория, и уступать ее мы никому не собираемся. А у вас в крае по всем границам автономные республики. И все хотят быть самостоятельными, думают, что Россия их объедает... Карачаевцы свою республику создать хотят, чеченцы – свою...

Как там... ощущается межнациональное напряжение?

– Пока не замечал, – помедлив, отозвался Красавин. – На границах, если верить слухам, стычки случаются, но я последнее время туда не выезжал...

– Понятно, не ваше дело, – закивал Пабловский, – вы и так главное сделали: ваш крайком уже не поднимется... Я, собственно, об этом и хотел поговорить. Нам сейчас очень важно, чтобы народ понял: коммунисты не способны вывести страну из тупика, в который завели.

И чем дольше они будут у власти, тем опаснее. Я читал ваши статьи, вы замечательный публицист, у вас здравые и очень уместные выводы, я думаю, в ближайшее время мы добьемся запрета компартии, но это де-юре, а де-факто надо, чтобы коммунисты потеряли доверие на местах... Вы же были членом партии?

– Да.

– Давно вышли?

– Сдал билет вместе с редакционным удостоверением.

– То есть одним из первых. Это хорошо... – Пабловский подумал.

– Не стесняйтесь почаще об этом говорить... Проведите несколько митингов против коммунистов. Развенчивайте их обещания. Работайте с репрессированными, их семьями. У вас ведь там казаков немало, а им есть за что большевиков-коммунистов не любить...

– С казаками мы уже разговариваем.

– Вот и замечательно. – Пабловский поднялся. – У вас сегодня аудиенция у Бориса Николаевича, он вам сам скажет, но я все же предварю: он видит вас руководителем края...

Красавин даже опешил от услышанного. Глядя на улыбающегося Пабловского, пожимая протянутую им маленькую, но крепкую руку, все пытался осмыслить эти слова, но так и не нашел, что сказать, кроме неуверенного и неуместного:

– Спасибо.

Шел по длинному коридору и отмахивался от назойливой мысли, пытаясь вернуться в состояние делового равновесия, при котором эмоции уступали логике. Но не получалось. Быть губернатором он никогда не помышлял. Нельзя сказать, чтобы он вовсе был лишен честолюбия и не строил карьеристских планов, но такие планы, как правило, являлись следствием долгой работы, постепенного набора знаний и опыта. Будучи заместителем редактора он рассчитывал, что станет редактором, и даже для будущей должности откладывал ряд идей по организации работы в редакции, изменению модуля газеты, понимая, что лучше будет, если начнет их реализовывать не Кучерлаев с его подачи, а он сам, когда займет его место. Редакторское кресло было вершиной в предполагаемой им собственной карьере, заняв которое можно было работать до конца положенного срока, став постоянным членом всяческих президиумов, даже членом бюро крайкома партии, получить парочку государственных наград, приуроченных к круглым жизненным датам, спокойно досидеть до почетной пенсии, а выйдя на заслуженный отдых, наставлять молодых на истинный путь.

Подобная перспектива неотвратимо должна была реализоваться, если бы все осталось без перемен. Но именно эти перемены, с одной стороны, помогли ему сделать стремительный карьерный рывок, когда потребовалось острое слово и правдивый анализ и он стал заместителем редактора, с другой, чуть позже, когда и слово, и свобода показались излишними, сложились уже, казалось, навечно прочерченные траектории жизненных судеб. Выбитый из обоймы резерва крайкома партии, утративший даже иллюзорную надежду на возвращение в газету, он перестал задумываться о своем будущем, концентрируясь на решении сиюминутных задач. Сначала это были поиски работы, пока он не выстроил отношения с рядом центральных изданий и не стал получать позволяющие вполне сносно жить гонорары за критические статьи о состоянии дел в крае. К тому же была пусть не очень большая, но стабильная зарплата Анны. Когда движение набрало силу, появились спонсоры, прежде всего кооператоры, из этих денег, по решению тройки, Красавин и получал теперь заработную плату в размере своего предыдущего оклада заместителя редактора.

Вперед он не заглядывал, слишком динамичным было время, глупо строить какие-то далекие планы.

Рождение сына заставило на какое-то время переключиться с решения больших задач на более мелкие семейные. Все это время он выкраивал Инне на воспитание дочери, теперь же без зарплаты Анны и с расходами на маленького это было делать трудно. Но на семейном совете они решили, что Инне он так и будет помогать, а сами как-нибудь переберутся, все-таки есть хоть маленький, но огородик.

Он понимал, что рано или поздно, но что-то нужно будет предпринимать. И все больше склонялся к тому, чтобы согласиться с предложением Кантарова, но никак не мог переломить себя, пойти к тому на поклон. Теперь же слова Пабловского вызвали два прямо противоположных чувства. С одной стороны, было опасение, что он не сможет оправдать возложенные на него надежды, не потянет руководство краем. Это все-таки не редакция и даже не тысячи его сторонников, которыми он научился управлять. С другой – была гордость, что его оценили, что в новом обществе нашлось и ему официальное – и немаленькое – место. К этому последнему чувству добавилось и понимание того, что в таком случае финансовые проблемы отпадут сами собой, закончится полоса безденежья, что он сможет больше помогать уже становящейся девушкой дочери и Анна сможет дома сидеть с маленьким.

И все-таки на аудиенцию к президенту России он шел, определившись, что, если тот предложит ему возглавить край, он попросит какую-нибудь другую должность, пониже. Может

быть, того же заместителя. Но разговор был коротким: в приемной уже толпился народ, собравшийся на экстренное совещание. Ельцин был очевидно озабочен, поглощен своими мыслями. Выйдя из-за стола, он крепко пожал руку, сказал, что внимательно следит за ситуацией в крае, поинтересовался настроением людей, количеством сторонников демократических перемен. Потом сказал, что даст указание подчиненным и в случае необходимости Красавин сможет напрямую выходить на министров, обращаться по любым вопросам. Но главное сейчас – не разочаровать народ, добиться, чтобы на смену партийным аппаратчикам пришли толковые руководители, способные решать нелегкие задачи, принимать нестандартные решения.

Помощник уже несколько раз приоткрывал дверь в приемную, откуда доносился многоголосый нетерпеливый гул, и на этом пожелании они расстались.

То, что речь о губернаторстве не зашла, его и огорчило, и обрадовало одновременно. А когда доехал до аэропорта, уже не сомневался, что все сложилось как нельзя лучше: он возвращался с обещанием президента их поддерживать и с возможностью выходить непосредственно на членов правительства и в то же время не взял на себя никаких обязательств. Конечно, люди такого уровня, как Пабловский, словами не бросаются, но как принимаются кадровые решения в тех же партийных структурах, Красавин хорошо знал. Словечко «за», словечко «против», чаша так и прыгает... После Пабловского зашел кто-нибудь из приближенных, свою кандидатуру предложил... Сокурсника, друга-приятеля, хорошего знакомого, наконец, послушного подчиненного... Что бы там ни говорили, но любая властная вертикаль зиждется не на профессиональном умении, а на знакомстве и преданности. Любой начальник, от маленького до самого большого, неосознанно подбирает в ближайшее окружение тех, кто его подсидывать не будет либо в силу преданности, либо невеликого ума...

Не зря народная мудрость гласит, что два медведя в одной берлоге не уживутся. Только когда приходит время начальнику самому куда-нибудь перемещаться или на пенсию уходить, вот тогда при выборе преемника деловые качества действительно что-то значат...

...Все-таки задела его эта неподтвержденная информация. В самолете мысленно к ней тоже нет-нет да и возвращался. И только когда с трапа увидел встречающего его Игоря Дубинина, стал собираться с мыслями и обдумывать, что сейчас будет рассказывать своим соратникам, как дальше выстроит свои действия. Предполагал, сам начнет отчитываться от трапа, но Игорь, подхватив большую сумку с партийной агитацией, с ходу завалил новостями: народ с площади не уходит, требует, чтобы крайком отдал власть, депутаты в растерянности, не знают, кого поддерживать, Павлов предлагает сесть за стол переговоров с коммунистами.

– С коммунистами никаких переговоров, – отрубил Красавин. – Ты на чем приехал?

– Один из наших привез. Он ждет.

Подвел к белой «Волге».

Водитель, кругленький и гладкий мужичок, услужливо распахнул дверцу.

– С приездом, Виктор Иванович.

И Красавин принял этот жест как само собой разумеющееся, бросил назад портфель, сел на переднее сиденье.

Пока ехали в город, Дубинин, подавшись вперед между сиденьями, перекрывая шум машины, все делился переполнявшими его эмоциями.

– Никто их не организовывал, а народ все валит и валит... Вся площадь забита, сам увидишь...

– Коммунисты выступают?

– Боятся. Сидят по кабинетам, не высовываются... Некоторые депутаты да наши – по очереди...

– Дома как? – наконец вставил Красавин. – Сын?

– Все в порядке. Здоров, орет... Анна гуляла, так мы ее уговорили выступить... Хорошо говорила, проникновенно... Так сейчас тебя домой или...

Дубинин многозначительно замолчал.

– Сам знаешь, – буркнул Красавин.

– Тогда к площади вези, Иван Исаевич...

– Иван Исаевич? – Красавин повернулся к водителю. – Мы не познакомились...

– А я вас и так знаю... А я Козько, Иван Исаевич Козько... Бывший парторг, а нынче беспартийный безработный...

– Сдали билет?

– Да, забрали... Самостоятельных в партии никогда не любили...

– Ну ничего, Иван Исаевич, теперь другие времена наступают, – произнес Красавин, уже настраиваясь на выступление и с восторгом осматривая заполненную народом центральную площадь перед административным зданием, к которой они подъехали. – Нынче коммунисты нам не указ...

И, оставив в машине портфель, пошел, лавируя среди толпы, к трибуне, пока его не узнали и перед ним вмиг не образовался свободный коридор. Он шел мимо вопрошающих лиц, устремленных на него глаз, подбирая самые первые слова, которые должны оправдать это ожидание, надежды, и подумал, что подобный живой коридор в свое время проходили и вожди французской революции, и истинные революционеры, и сам Ленин... Впрочем, цитировать Ленина он сейчас не собирался.

– Четыре часа назад я разговаривал с Борисом Николаевичем Ельциным, – сказал он, отодвинув в сторону так и не закончившего свою речь, растерянного таким откровенным невниманием краснолицего депутата. (Тот был из ортодоксальных коммунистов.) – И президент России мне сказал, что сегодня мы с вами для всей страны являемся примером того, что нужно делать. Если власть никак не может понять, что ей не доверяют, народ должен изгнать ее!

Гул явного одобрения и готовности следовать за оратором, куда бы он сейчас ни призвал, раздался над многотысячной толпой.

– Вы видите, они уже боятся нас! – Красавин повел рукой в сторону административного здания. – Эта власть боится своего народа!

Кто-нибудь вышел сюда, к вам?

– Нет! – прокатилось над площадью.

– Они привыкли интриговать в кабинетах, думая не о том, чтобы нам с вами жилось хорошо, чтобы в магазинах были продукты, а у нас хорошая работа и зарплата. Они думают только о себе! О том, чтобы усидеть в своих кабинетах! Чтобы получать свои большие оклады и спецпайки!

Чтобы пользоваться льготами и привилегиями... И к ним не стоит больше обращаться, ни о чем просить. Их надо выгонять из кабинетов!

Поднявшийся шум заставил его выдержать долгую паузу.

– Сегодня мы с вами на этом митинге принимаем нашу последнюю резолюцию: крайком уволен!..

Он опять переждал всколыхнувшуюся толпу, движением руки успокоил ее – как опытный дрессировщик возвращает в прежнее состояние повиновения почувствовавших на мгновение свободу зверей.

– Завтра я вынесу за заседание краевого Совета народных депутатов вопрос о формировании нового административного органа, который будет представлять наши с вами интересы, а не кучки зажавшихся и не способных ни на что партийных функционеров. А чтобы они нам не мешали, я призываю всех неравнодушных к тому, как мы будем жить дальше, завтра с утра перекрыть для них все входы.

Пусть отдыхают, хватит нам мешать!.. – Переждал гул одобрения. – И я сегодня же сообщу президенту России Борису Николаевичу Ельцину, что власть в нашем крае отныне действительно принадлежит народу...

Толпа уже не сдерживала восторга: кто-то кричал «Не пустим!», кто-то улюлюкал, кто-то пытался выкрикивать здравицы (насколько Красавин разобрал – в его честь), потом все это переросло в не стихающий шум, под который он и спустился вниз.

Опять же по людскому коридору, замедляя шаг возле самых настойчивых, отвечая на какие-то вопросы, пожимая руки, согласно кивая головой, наконец вышел из толпы, остановился, вспомнив, что надо бы ехать домой, к Анне и сыну, завертел головой, разыскивая Дубинина, но тут возник Козько, услужливо произнес:

- Виктор Иванович, давайте домой вас отвезу.
- А где Дубинин?
- Он там с ребятами листовки раздает... Сказал, чтобы я вас отвез.
- Да, действительно, поехали...

На импровизированной трибуне так и не выслушанный давешний депутат пытался то ли поспорить с Красавиным, то ли соглашался с ним, он так и не разобрал, но толпа уже понемногу расходилась, неохотно растекаясь по прилегающим улочкам, все еще готовая, если вдруг он позовет, мигом вернуться обратно, но он этого делать не собирался.

Во всяком случае, сегодня.

Поглядывая через стекло машины на вдохновенные лица людей, он вдруг ясно осознал, какую ответственность сейчас взял на себя. На какое-то мгновение испугался: оправдает ли?.. Но тут же прогнал невесть откуда возникший предательский страх, понимая, что с этой минуты обратного пути у него нет и отныне он должен будет служить этим людям, даже если придет час, когда они ему будут совсем несимпатичны...

Жовнер

Каждый новый день теперь не был похож на предыдущий. Александр просыпался с радостным ожиданием грядущих неведомых, но вызывающих возбуждающий азарт новых задач, которые придется ему решать, торопился в здание умирающего строительного треста на свой этаж, который они теперь занимали полностью и где в кабинетах бывших служб некогда процветающего предприятия помимо редакции газеты размещались уже компьютерный цех, служба снабжения и сбыта, информационно-аналитическая служба, транспортный, юридический, производственный отделы и, само собой, бухгалтерия и его, генерального директора, кабинет. Нельзя сказать, что до этого он ходил на работу с неохотой, отбывая ее от звонка до звонка по необходимости. Может, оттого в свое время и предпочел журналистику перспективной и денежной профессии геолога-нефтяника, что, работая в газете, можно было постоянно узнавать что-то новое, не было рутины одних и тех же неизменных действий изо дня в день: вообразить себя на производстве, где нужно что-либо делать «от» и «до», для него было немыслимо.

Мирно разойдясь с прежним партнером Гуковым и зарегистрировав новое информационно-рекламное агентство, он сам не ожидал, что не пройдет и полугода, как его предприятие, состоящее из единственного подразделения – редакции газеты из пяти человек, – превратится в солидное учреждение, в котором постоянно работали тридцать человек и почти столько же было привлеченных внештатных сотрудников: корреспондентов, реализаторов, переводчиков.... Помня о том, что нельзя объять необъятное, он тем не менее повторял ошибки и Боташева, и Гукова, вкладывая прибыль от газеты в новые направления. Он не мог отказаться от идей, с которыми приходили в агентство с крупных предприятий начальники цехов, отделов. Они все казались ему важными, значимыми, полезными для общества. И хотя, принимая на работу и одобряя идею, настраивал всех на то, что каждое из подразделений должно зарабатывать деньги, а не рассчитывать на бюджет организации, жестко не спрашивал за долгие сроки раскрутки, надеясь, что вложенное рано или поздно вернется...

В силу своего собственного опыта работы в редакциях он выстроил в коллективе отношения творческие – когда планерки напоминали больше мозговую атаку, чем раздачу указаний, а он сам не гнушался никакой черновой работы (если надо было, становился даже грузчиком, загружать и разгружать приходилось часто) – и демократические, начав с того, что уравнивал зарплату всех, от директора до ученика оператора компьютерного набора. Эта одинаковая для всех зарплата была больше той, которую получали специалисты заводов города, ее с лихвой хватало на безбедное житье-бытье при тотальном дефиците продовольственных и промышленных товаров, да и приходили в агентство те, для кого она не была главным стимулом. Каждый представлял из себя сформировавшуюся личность, настроенную на реализацию своей идеи.

Володя Саткин – степенный, даже несколько медлительный, пока не увлекался каким-нибудь новым делом, бывший начальник отдела контрольно-измерительных приборов одного из заводов – был одержим освоением информационных технологий. По его совету они приобрели компьютеры и стали осваивать на них набор и верстку газеты и книг. Когда стало очевидно, что эта технология прогрессивнее, Жовнер не смог отказать ему в желании выйти на зарождающийся товарный рынок, и агентство купило место на только что организованной Российской товарной бирже.

Костя Бородулин, очкастый, худой и длинный, похожий на подростка, а на самом деле уже папа трехлетнего мальчугана, выпускник политехнического института, загорелся обработкой поделочных камней. Где-то раздобыл ящик вулканического стекла и разноцветных камешков и считал, что, обработанные, они хорошо будут продаваться в Европе. Обработка затрат особых не требовала, и Жовнер согласился, не очень-то веря в эту затею.

А вот предложение Матецкого фасовать лекарственные травы, которых на горных лугах было в избытке, он поддержал безо всяких сомнений. Через пару месяцев они открыли свой небольшой цех и скоро уже подумывали о его расширении – спрос на эту продукцию был высок. Правда, доход она приносила несравнимо меньший, чем газета, тираж которой уже перевалил за сто тысяч экземпляров, или еще более прибыльная серия книг мистики, которую Ставинский все же запустил. Заказы на книги приходили даже с Сахалина.

Прибыль вложили в приобретение автотранспорта: к двум легковым машинам добавилась пара «КамАЗов», которые предприимчивый начальник транспортного цеха, знающий автомобили до последнего винтика, обрусевший армянин Андрей Тараян выторговал в воинской части.

На «КамАЗы» тут же нашлись толковые водители-дальнобойщики, и теперь в Москву и другие города вплоть до Урала отправляли газету, книги и фасованную траву собственным транспортом. Обрато везли картон, бумагу и попутный товар, который можно было с выгодой продать на юге. Так добавился еще коммерческий отдел, который возглавила пришедшая из торговли напористая и энергичная Дина Маркелова. Ей было чуть больше тридцати, она без мужа воспитывала восьмилетнюю дочь, привыкла полагаться только на себя, с мужиками говорила на их языке, не гнушаясь при необходимости отпустить и матерное словцо, порой была чересчур резка, что никак не вязалось с ее довольно миловидной внешностью и умением флиртовать, чем она при необходимости (для дела) тоже пользовалась. Она диктовала, что закупать или брать на бартер в дальних поездках, и успешно находила привезенному товару сбыт.

Ставинский, часто выезжавший в Москву, где работал с переводчиками очередного тома серии, настойчиво советовал Жовнеру выстроить отношения с министерством печати.

– Старик, сейчас кто только туда не лезет... А нашу газету там знают, читают, первый том ужастиков я лично в приемной оставил.

Глядишь, какую-нибудь копеечку отстегнут, техники по дешевке подбросят... Или с бумагой помогут.

Последний довод был самым веским: с бумагой назрели проблемы. Несмотря на подмазки и многодневное просиживание сотрудников отдела снабжения на комбинатах в Соли-

камске или Карелии, выбивать ее становилось все сложнее, то же министерство наложило свою лапу и само распределяло фонды.

Они полетели в Москву вместе с Лешей. Тот, как только устроились в гостиницу, тут же убежал по своим делам, в числе которых было посещение книжных и музыкальных магазинов, возле них он всегда умудрялся приобрести что-нибудь только что появившееся и дефицитное.

Аудиенция с министром была назначена на следующий день, и, устроившись и приведя себя после дороги в порядок, Жовнер отправился гулять по столице.

За годы, которые он здесь не был, Москва почти не изменилась (во всяком случае, те места, где он бывал прежде), разве что стала менее ухоженной да наглядной агитации с коммунистическими лозунгами явно убавилось.

А еще ему показалось, что движение на улицах столицы стало более хаотичным. Прежде народ, как правило, двигался в двух направлениях, четко придерживаясь своего потока, теперь же каждый шел как хотел, и вполне возможно, что он просто попал в такое броуновское движение, выходя со станции Маяковского, потому что десятка два коротко стриженных молодцеватых парней в черных рубашках (он решил, что они из «Памяти») как раз на выходе из метро устроили нечто вроде собрания и народ вынужден был их обходить. Но именно это впечатление отчего-то осталось самым главным.

Старый Арбат и новый проспект многоэтажных «книжек» внешне вроде не изменились. На Арбате праздно гуляла разношерстная публика, собираясь возле уличных музыкантов и художников, которых теперь было больше, чем раньше. Он тоже походил, поротозействовал, потом вышел на Калининский проспект, все еще слывший архитектурной гордостью Москвы. В больших магазинах здесь был довольно приличный ассортимент всяких товаров (все же столица и теперь жила лучше провинции), в ресторанах, несмотря на разгар рабочего дня, свободных мест почти не было. Он походил по магазинам, купил жене и дочке подарки на свой вкус, зашел в книжный магазин, выстоял очередь и приобрел книгу Фазиля Искандера, пообедал в «Праге» и вернулся в гостиницу.

В старой записной книжке, которую отчего-то прихватил с собой, нашел телефон старой знакомой, легкомысленной тогда студентки Натали и, помедлив, набрал номер.

Но как только раздался первый гудок, ударил по рычагу.

Глупо.

Взрослый серьезный мужчина (сорок стукнуло), к тому же руководитель немаленькой организации, звонит мимолетной знакомой.

Что он ей скажет? Да она уже и не помнит его – сколько за эти годы в ее жизни могло быть мужчин? И что с ней вообще стало, если так и продолжила продавать свое тело... Впрочем, может быть, после встречи с ним она передумала зарабатывать таким образом.

Все еще сомневаясь, он полистал книжку, наткнулся на еще одну запись и решительно набрал номер. Долго держал трубку, пока на другом конце не раздался приглушенный, немножко хриловатый и тем не менее узнаваемый голос:

– Але-о...

– Привет, Неля.

На том конце зависла пауза, его явно не узнавали.

– Кто это?

– Старых знакомых забываешь... Нехорошо... А я вот тебя не забыл.

Хотел пококетничать, а получилось и глупо, и грубо. Сказал уже деловито, без всякого кокетства:

– Это Александр... Жовнер.

– Саша?... Здравствуй. Откуда звонишь? Ты в Москве?

Ему показалось, что она обрадовалась.

– Да вот, сию в гостинице. Сегодня прилетел по делам.

– Ты живешь все там же, с черкесами?

Он засмеялся, почувствовав облегчение. Оказывается, на сегодня он не самый глупый.

– Все там же, с ними же...

– А как твои литературные дела?

– О чем ты?.. Это было так давно, наверное, в другой жизни... А уж в другой стране – точно.

И не сдержался, похвастался:

– Я теперь генеральный директор независимого агентства... Сами издаем книги, газету, сами деньги зарабатываем.

– Слушай, а что мы по телефону, приезжай ко мне, посидим, поболтаем...

– А муж?

– А я, Сашенька, вдова...

– Вдова?.. Выражаю...

– Уже два года. Привыкла. Так что давай, приезжай, никто нам не помешает. Можешь у меня и пожить, квартира большая.

– Дети?

– Бог не дал.

– Извини.

– Ничего, я к этому тоже привыкла... Не знаешь случайно, как там Владимир, киевский? «Вот кого ты точно не забыла», – подумал Сашка.

– Судьба не сводила, ничего не знаю... А ты чем занимаешься?

– Тружусь в одной конторе...

И замолчала.

– Секретной? – догадался он.

– В общем, да. Муж устроил. Ты приезжай...

Теперь он не сомневался: она приглашала искренне.

– Сегодня уже не получится. Завтра у меня встреча с министром, надо подготовиться. Я тебе завтра позвоню. Ты после шести дома?

– Звони после семи. Я буду ждать.

– До завтра.

– До завтра.

«А может, поехать?» – подумал он, положив трубку и ощущая, как стучит в ребро бес. Все-таки когда-то она ему нравилась. Гибкая, капризно-надменная спортсменка на берегу теплого Каспийского моря... Правда, это было давно. Когда и он был тонким и трепетным...

Он вспомнил их последнюю встречу в Москве, ее расплывшуюся фигуру довольной жизнью столичной дамы, оценивающий взгляд: достоин ли этот провинциал разговора – и решил, что за эти годы вряд ли она изменилась в лучшую сторону, скорее, в худшую. Да и поговорить им не о чем – нет ни общих тем, ни общих знакомых, кроме тех давних, оставшихся в солнечном прошлом, о которых они оба ничего не знают...

И вновь набрал номер Натали.

На том конце ответил немолодой и усталый женский голос.

– Я бы хотел услышать Наташу.

– Кто говорит?

Теперь он догадался, что голос еще и изрядно прокурен.

– Ее старый знакомый.

– Вы ее давно не видели?

– Да, давно, лет семь... Я был у нее преподавателем, – вдруг соврал он. И уточнил: – На первом курсе...

– Видите ли, она теперь здесь не живет...

– Я понимаю, у нее своя семья... Вы не подскажете ее телефон?
– У меня нет ее телефона... И она теперь живет за границей... – недовольно отозвалась она.

– За границей? Где? – зачем-то уточнил он.

– В Штатах.

– Вышла замуж?

– Ее личная жизнь меня не интересует...

Женщина раздражалась.

– Извините.

– Я о ней ничего не знаю, – вдруг жалобно произнесла она. – Даже не знаю, жива ли... Если вы что-то узнаете, пожалуйста, позвоните..

– Еще раз извините, – повторил он и положил трубку.

Похоже, героиня его маленького, так и не случившегося приключения ушла из его жизни навсегда. Хотя помнится, когда-то он пришел к выводу, что в этой жизни люди обязательно встречаются минимум дважды.

...Ставинский появился поздно вечером, когда Александр уже заволновался, куда тот мог запропасться, тем более что звонила Татьяна, жена Алексея и он вынужден был соврать ей, что тот в ванной и у них все в порядке.

Леша шумно ввалился в номер, бухнул на пол невесть чем набитую доверху огромную сумку, упал на кровать, тяжело дыша.

Жовнер отложил книгу, ради любопытства приподнял сумку.

– Ого... Кирпичи?

– Старик, знаешь, где я был?

Леша выдержал многозначительную паузу, успокаивая дыхание.

– Судя по твоему виду, на стахановских разгрузочно-погрузочных работах...

– Никогда не догадаешься... – не отреагировал тот на явный сарказм.

Стянул мокрую от пота рубашку.

– Пойду ополоснусь...

– Давай, – кивнул Сашка, уткнувшись вновь в книгу.

– Нелюбопытный ты человек, Иваныч, – задержался у двери ванной Леша. – А я, между прочим, в «Литературке» наш роман оставил.

Обещали на разворот отрывок поставить.

И демонстративно захлопнул за собой дверь, не сомневаясь, что теперь уж его соавтор явно с нетерпением будет ждать.

– Ладно, не томи, – напомнил Жовнер, когда тот наконец, отфыркиваясь и блаженно охая, вышел.

– Так я уже сказал: будет публикация в «Литературке»... А потом издадим сами, все государственные издательства закрываются, у них денег нет. Отпечатаем массовым тиражом и продадим.

– Ты уверен, что продадим?

– А ты сомневаешься? – Леша даже вытираться перестал, так и застыл с полотенцем наперевес вопросительным знаком. – Старичок, да мы с тобой создали нетленку... Через двадцать лет его будут изучать в школе... – И уже без патетики добавил обыденным тоном:

– Публикация в «Литературке» – это хорошая реклама. Боишься массовым, давай пробный тираж сделаем – тысяч десять.

– Может, все-таки какому-нибудь московскому издательству предложим, – неуверенно произнес Жовнер. И тут же добавил, вспомнив, что его собственный сборник, который стоял в плане на девяносто первый год в «Молодой гвардии», перенесли на следующий год в связи с финансовыми проблемами издательства:

– Хотя, пожалуй, ты прав...

– Старик, отчего мы с тобой не юмористы, – бодро продолжил Леша. – Я познакомился с Веселовским. Вот такой мужик! – поднял вверх большой палец. И, предупреждая вопрос, назидательно пояснил: – Это редактор клуба «Двенадцать стульев»... Я у него дома был.

Посидели, вина выпили... Давай чего-нибудь юмористическое сообразим с продолжением...

– Это уж ты без меня. Я юморить не склонен, даже анекдот запомнить не могу.

– Скучный ты человек, – нарочито печально вздохнул Ставинский. – Но талантливый...

И к тому же генеральный директор...

– Между прочим, Татьяна звонила... Беспокоится.

– Но ты же ей обрисовал диспозицию, – Леша обвел рукой номер. – Живем замечательно, вид на крыши домов шикарный, погода типично московская, пасмурно, но шумно...

– Ладно, что на завтра планируешь? – прервал его Сашка.

Леша подвинул к себе сумку. Открыл. Сашка подался к нему, разглядывая стопки новеньких книг.

– А где ты Платонова прикупил?

– Я в книжных еще не был.

– Тогда откуда?

– Наменял.

– У тебя же вроде сумка не такая пухлая была.

– Удачный обмен.

– Хоть покажи...

Леша выкладывал на кровать книги, и Сашке стало завидно. Тут был и Булгаков, и Фрезер, и Маркес...

– У меня с утра ланч с занудами-переводчиками... – сказал Леша, когда Сашка пересмотрел все выложенное богатство и оставил себе почитать сборник Платонова. – Потом кое-куда загляну... А у тебя в десять аудиенция с министром.

– Я помню. Значит, разбегаемся, не завтракая... Я хочу после обеда улететь домой...

– Давай останемся, – просительно произнес Леша. – Послезавтра полетим. У меня на вечер встреча запланирована...

Жовнер оценил толщину сборника.

– Ладно, читаю... Опять поздно вернешься?

– Как получится...

...Особняк в центре Москвы, в котором размещалось министерство, он нашел довольно быстро. Пересек двор, вошел в здание. Удивившись отсутствию какой-либо пропускной системы, пошел по коридору, полагаясь на интуицию.

В коридоре было неожиданно многолюдно. Но праздно шел только он, остальные либо проносились мимо, либо, прижавшись к стенам или устроившись на подоконниках парами или группками, что-то оживленно обсуждали. Никому до него не было никакого дела.

И хотя до этого Жовнеру не приходилось бывать в министерствах, он представлял, что атмосфера в них сродни чопорным и тихим коридорам крайкома партии, но то, что сейчас видел, разрушало это представление.

Жовнер дошел до первого открытого кабинета, в котором за большим столом бородатый и очкастый мужчина – почти его ровесник, похожий на научного работника или вузовского преподавателя – что-то горячо обсуждал с гладко выбритым и солидным, в строгом синем костюме, собеседником. Сашка задержался у двери. Бородатый окинул его взглядом и продолжил горячо убеждать выбритого, зачитывая с вытянутого вперед листа текст, смысл которого Сашка не понял, но заинтересованно остановился.

Тот выслушал, протянул руку, сказал, что пойдет и обсосет эту статью со всех сторон, и прошел мимо Жовнера, словно его и не было.

– Простите, вы не подскажете, где кабинет министра? – шагнул Жовнер в сторону бордато.

– Дальше, – тот махнул рукой, озабоченно разыскивая что-то среди рассыпанных по столу исписанных листов. – Но его сейчас нет...

А вы по какому вопросу?.. Может, я могу помочь?

– А вы?.. – вопросительно произнес Жовнер.

– Я – заместитель... – Он наконец-то отыскал искомое, быстро прочитал, буркнул «угу», отложил исчерканный лист в сторону и поднял глаза на Жовнера. – Из провинции? Издалека?

– Да... У меня сегодня встреча с министром... По договоренности...

– Тогда ждите. Его срочно вызвали к президенту, но думаю, что он скоро будет... А откуда приехали?

– Из Ставропольского края.

– Слушайте, так у вас там Народный фронт свой журнал выпускает, – вдруг оживился хозяин кабинета. – И вроде бы вот-вот коммунистов прогонят... На родине последнего генерального секретаря и прогонят... – с нескрываемым восторгом произнес он. – Это ведь символично... И не сомневаюсь, независимый журнал очень помог консолидировать народ... Роль прессы в происходящих процессах, в перестройке общества невозможно переоценить. И с каждым днем она будет все значительнее...

– Я вообще-то из национальной области, – вставил Жовнер. И торопливо добавил: – Но у нас независимая коммерческая структура, и мы выпускаем свою газету.

– Как называется?

– «Наш курьер».

– А вы нам ее присылаете?

– Нет, – растерянно произнес Сашка.

– Присылайте... А вас не притесняют?

– Сейчас уже нет. Раньше в обкоме партии читали, цензура придиралась, теперь уже никто не мешает...

– Вот, первый шаг уже сделан, – обрадованно произнес собеседник, потрясая листком. – Мы уже заканчиваем работу над комментариями к закону о печати. Сейчас придут депутаты, будем спорные вопросы обсуждать... – И, пристально посмотрев на Жовнера, вдруг предложил: – А может, и вы примете участие, выскажете свое мнение как человек, занимающийся практической журналистикой.

Вы ведь журналист?

– И генеральный директор агентства.

– Меня зовут Михаил Александрович.

– Александр... Иванович. Жовнер.

– Просто замечательно... А давайте-ка, Александр Иванович, садитесь вот сюда.

Он перенес толстые раскрытые тома на небольшой столик, стоящий у стены. Положил перед Жовнером стопку листов с отпечатанным на машинке текстом.

– Читайте. Это, конечно, не окончательный вариант, но стержень уже есть.

Сашка неуверенно пододвинул листы.

Хозяин кабинета вернулся за свой стол и начал что-то быстро писать.

Сашка пытался читать, но никак не мог уловить смысл юридических терминов и оборотов. Тем не менее скоро понял, что положения закона полностью отменяют всяческие ограничения, контроль и цензуру, и исходя из него можно открывать любые издания. Он начал понемногу вникать в смысл, но тут в кабинет вошел плотный пожилой мужчина с озабоченным выражением добродушного лица, сказал:

– Я к себе. Зайдешь минут через пять...

– Хорошо... Да, Михаил Никифорович, это товарищ Жовнер из Ставропольского края к вам на прием...

Тот окинул Жовнера внимательным взглядом.

– Зайдете вдвоем.

И вышел.

Михаил Александрович продолжил быстро писать, явно стремясь не потерять столь понравившиеся ему мысли. Жовнер, глядя в текст, но не стараясь его понять, продумывал, что скажет министру.

– Ну как? – Михаил Александрович, явно удовлетворенный написанным, положил авто-ручку, довольно откинулся. – Нравится закон?

– Я не дочитал... Но вот то, что теперь никто не будет контролировать, это хорошо...

– Не все так считают. Нам еще предстоит битва... Но, если вдуматься, зачем мне или кому-то из Москвы вас, на Кавказе или в Сибири, контролировать?.. Коммунисты пытались контролировать все, а чем этот тотальный контроль закончился?.. Нет, нужно верить в народ, верить в разумную инициативу, и все будет развиваться без всяких указок сверху. Мы ведь не какой-то там безмозглый скот... – Он взглянул на часы. – Пора идти, Михаил Никифорович ждет.

Они стремительно прошли по коридору, вошли в небольшой, но просторный кабинет. Министр стоял возле стола, на котором в идеальном порядке были разложены какие-то книги, брошюры, бумаги.

Он окинул Жовнера более внимательным, чем прежде, взглядом, но было видно, что посетитель его нисколько не интересует, а заботит нечто другое, несомненно более важное. Этот взгляд человека, занимавшего высокий пост, отягощенного множеством проблем и вынужденного тратить время на нечто не очень важное, был Жовнеру хорошо знаком. Впервые так на него посмотрел секретарь крайкома комсомола теперь уже в давнее, неудавшееся сватовство на номенклатурную должность.

– Мне было назначено на сегодня, – поторопился он отогнать пессимистичные мысли, но уже сожалея, что согласился на эту встречу, и ничего от нее не ожидая. – Я из Ставропольского края. Жовнер. Александр Иванович. Генеральный директор агентства, учредитель и главный редактор независимой газеты «Наш курьер».

– Я товарищу Жовнеру дал почитать проект закона, ему понравился, – вплетая свой интерес, вставил Михаил Александрович, сам не зная, как он того выручил.

– Хорошо, – равнодушно констатировал, словно ставя точку, министр.

Жовнер вдруг отчетливо понял, что тот чувствует себя не очень уютно в этом кабинете, наверное, еще не обжил. А может, никогда и не привыкнет, все-таки он был коллегой, журналистом – в восьмидесятых специальным корреспондентом главной газеты страны «Правда». Значит, привык быть независимым от рабочего распорядка и дисциплины, свободным от рутинной работы, разве что приходилось учитывать политические веяния... Сашка специально перед поездкой просмотрел в библиотеке подшивки «Правды», почитал материалы, добротные, смелые настолько, насколько было тогда позволительно.

– Чего просите, Александр Иванович? – неожиданно спросил министр.

Жовнер какое-то мгновение осмысливал вопрос и выпалил:

– Бумаги... Газету печатать не на чем, книги...

– Н-да... Бумагу сейчас все просят... Как у вас, на Ставрополье, Бориса Николаевича журналисты поддерживают?.. Или больше своего земляка?

– Коммунистов не поддерживают, – нашелся Сашка. И неожиданно для себя вдруг сказал: – Мы с руководителями Народного фронта собираемся демократическую газету издавать. Если с бумагой решим.

– А деньги?

– Деньги найдем, – оптимистично ответил он. И вспомнил расхожую в последнее время фразу: – Была бы бумага, деньги напечатаем...

– Видал, какой задор? – министр переглянулся с заместителем. – А ведь возьмут и напечатают...

– Есть уже богатые кооператоры, частные структуры, товарищества, они заинтересованы в переменах.

– А что, неплохая идея, – повернулся министр к Михаилу Александровичу. – Давай, поможем южанам, выпиши им разнарядку на бумагу... – Выдержал паузу. – Мы вот будем общероссийскую газету учреждать, но пока она до глубинки дойдет... Поучаствуем-ка в ставропольской демократической. Одним из учредителей. Регион-то беспокойный. – И, похоже, сам обрадовался идее.

– Так проще будет разнарядку сделать, – согласился заместитель. – Мы бумагой можем учредительский взнос сделать.

– Ну вот и пришли к решению... – Министр вопросительно взглянул на Жовнера. – Значит, мы войдем своей бумагой, а вы – деньгами и мозгами. Не возражаете, Александр Иванович?

– Не возражаю... Только бумаги нужно больше...

– На ваше агентство тоже выделим... Еще вопросы ко мне есть?

– Нет.

– Хорошо... Подождите Михаила Александровича и с ним все оформите...

Жовнер вышел из кабинета, с трудом сдерживая восторг: такого поворота событий он даже не мог себе представить. Он решил вопрос не только с бумагой для газеты и издания книг, но и получил могущественного учредителя новой демократической газеты. И теперь этот проект из разряда идей, несомненно, перейдет в реальность.

Подумал, что предложит ее редактировать Красавину, он в крае человек известный и демократ. И нужно будет найти еще соучредителей, одному агентству будет трудно вложить необходимые средства.

Но это потом. Главное, закрепить все договоренности сейчас.

Он не мог стоять спокойно в коридоре. Вышел на улицу, стал расхаживать перед подъездом, поглядывая на входящих и выходящих из министерства.

– Саша, – вдруг услышал он знакомый, но неузнаваемый голос.

Перед ним остановилась полная блондинка. Бросила вслед входящей в здание солидной делегации: – Я вас найду... – И повернулась к Жовнеру.

– Людмила... Никитична? – Сашка от неожиданности растерялся.

– Ну, конечно, где нам еще встречаться, как не на пороге родного министерства, – весело произнесла Затонская. – Узнаю Жовнера: такой же подтянутый, устремленный в будущее...

Модно стриженные белокурые волосы, обрамляющие ее круглое лицо, делали ее моложе как раз лет на десять, что они не виделись, и Сашка искренне восхитился:

– А вы просто замечательно выглядите.

– Давай на «ты», Саша. – Она достала из сумочки пачку «Мальборо». – Расскажи о себе, где живешь, чем занимаешься? Там же, на Ставрополье?

– Там же... Свое частное агентство, издаем газету, книги... Между прочим, как депутат можешь дать интервью, все-таки тираж больше ста тысяч, и в Красноярск тоже отправляем...

– Я не сомневалась, что тебя и органы не остановят... Об интервью еще поговорим. Здесь у тебя дела?

– Совместно с министерством газету учреждаем, – проговорился Жовнер. Торопливо добавил: – Планируем, если все срастется... – И перевел разговор: – А я вижу, у вас в парламенте бурные дебаты... С коммунистами все еще воюете?

– Ой, – Затонская вздохнула, чисто по-женски всплеснула руками, глубоко затагнулась, выпустила дым. – Кто с кем воюет, я так и не поняла до конца. Но спорим, как в студенческие годы на диспутах. Вот сейчас пришли с министерскими обсудить как исполнять закон о печати.

– С Михаилом Александровичем?

– С ним.

Сашка подумал, что теперь ему придется ждать, пока заместитель министра освободится.

Произнес вопросительно:

– Часа на два засядете?

– Обсуждать?.. Исходя из опыта, до обеда точно...

– Н-да, не успел, – вздохнул он.

– Ты тоже к нему?.. Ну так пойдем, примешь участие.

– Я не депутат. Погуляю пока по Москве.

– Пошли, – властно произнесла Затонская, явно добавившая к редакторским интонациям еще и депутатские. – Оценишь как практик.

Я тебя с Михаилом Александровичем познакомлю.

– Мы уже знакомы.

– Тогда тем более. Идем.

И первой вошла в здание.

На появление Жовнера никто особого внимания не обратил. Они с Затонской устроились на свободных стульях, она – с депутатами, он – рядом с уже знакомым гладко выбритым мужчиной, который, как он скоро догадался, был знатоком юридических нюансов и часто вмешивался в разговор, чтобы остудить пыл не в меру разгорячившихся депутатов, напоминая, что закон этот должен увязываться с другими нормативными документами, касающимися многообразия этой деятельности, которых пока нет. Кто-то из депутатов предложил в таком случае принять прежде остальные необходимые документы, чем составлять комментарии, но это предложение утонуло в бурном протесте – большинство считало, что прессу необходимо немедленно ставить в правовое поле. Некоторые, в том числе Затонская, настаивали на независимости, не подконтрольности прессы, недопущении никакой цензуры. Заместитель министра терпеливо напоминал, что закон не должен плодить анархию, он предполагает определенное вмешательство и контроль государства. Потом началось обсуждение отдельных статей. Теперь спорили об оттенках фраз и слов, и это напомнило Жовнеру их с Сенцовым вечерние бдения в областной газете в самом начале перестройки. Тогда они тоже перечитывали вслух и препарировали каждое слово, каждое предложение острых материалов, чтобы их нельзя было трактовать двусмысленно.

Это было знакомо, но неинтересно. Он перестал следить за дискуссией, пытаясь соотнести обсуждаемые положения статей закона с реальной жизнью: чем они помогут в каждодневных заботах – и не нашел в них ответа на самые насущные вопросы. Его и так сегодня почти никто не контролировал. Но надо было искать хороших авторов (к примеру, интервью с Затонской, очень выигрышный материал, гвоздь номера – кто сделает?), доставать бумагу, картон, материал для обложек, горючее для машин, даже краску для типографии. Надо было самим газету и книги делать, а потом самим же продавать... Это был круг его реальных сегодняшних забот. Да, конечно, закон оградит издателя, редакцию от тех, кто захочет вдруг вновь вмешиваться. Но это сейчас не было главным. До необходимости пользоваться статьями закона нужно было еще дожить...

Об этом он и сказал Затонской, когда они пошли пообедать в ресторан. (С Михаилом Александровичем договорились встретиться после обеда.) Забрели в первый попавшийся – в этот полуденный час почти пустой, сели за дальний столик.

– Может, тебя пока и не трогают, а здесь свободную прессу стараются задавить, – не согласилась Затонская. – Что же касается бумаги, то сам хорошо понимаешь: у нас сейчас всего не хватает. Страна на грани развала.

Самое главное – не допустить катастрофы. А как это сделать без законов? Армией?.. Тогда не избежать гражданской войны... Вот у вас там в Чечне генерал Дудаев объявился... Ваши черкесы тоже самостоятельности хотят... – И вдруг сменила тему: – В Красноярск не хочешь вернуться?

Жовнер даже растерялся. Помедлил, пытаюсь найти точный ответ.

– Столько лет прошло... Я уже привык...

– Да, у вас море, фрукты... – вспомнила она что-то свое.

– Ну, до моря от нас далеко, – уточнил Сашка. – А фруктов действительно хватает. –

Спросил: – К Москве привыкла?

– А я ее почти не вижу. С утра до вечера на работе. – И загорелась:

– У нас столько умных людей... Я уверена: год-два, и мы страну выведем, только для этого работать надо круглые сутки.

– Мы смотрим заседания, – осторожно заметил Жовнер, удивленный услышанным. На его взгляд, работали и могли вывести страну все-таки не народные депутаты, а те, кто сегодня что-то делал реальное. – Есть что послушать... Такие люди: Сахаров, Собчак, Попов, Афанасьев... Интересно говорят...

– Вот именно, я рядом с ними себя студенткой чувствую, – призналась Затонская. – Приходится снова учиться. Ты понимаешь, нам выпало построить новое государство, в котором действительно будет свобода, демократия, возможность каждому реализовать инициативу... Не будет дефицита, КГБ, партийного аппарата...

– И меню в ресторане будет разнообразнее, – заметил Жовнер, принимаясь за антрекот.

Но она словно не слышала, еще какое-то время, горя глазами, расписывала замечательное будущее.

В ожидании кофе закурили, думая каждый о своем и понимая, что тем для продолжения разговора больше нет – у каждого давно уже своя жизненная орбита.

– Муж, сын здесь? – прервал паузу Жовнер.

– Сын со мной, студент, в МГУ на журфаке учится. А муж остался...

Он хотел уточнить, не разошлись ли, но не стал. Захочет, сама скажет.

– Как там Машенко поживает?

– Олег теперь заместитель редактора партийной газеты. Он был моим доверенным лицом. Только вот никак от коммунистической идеи не откажется. Мы с ним последнее время, как встретимся, больше спорим, чем обмениваемся мыслями.

– Изменился внешне?

– Солидный стал... Ну, а серьезным он всегда был...

– А Степаненко?

– Давно не слышала о нем ничего. Может, уже здесь, в Москве, – неохотно отозвалась она. Помолчала. Потом продолжила: – Думаю, где-нибудь здесь. Каким бы человеком он ни был, а журналист талантливый, этого не отнимешь.

Зависла пауза, словно вспомнили о покойнике. Сашка подумал, что, может быть, сейчас стоит, наконец, выдать их с Андреем тайну, объяснить Затонской, что тот совсем не подлец, не обычный стукач. Он уже нашел первую фразу, с которой хотел начать непростое признание их тайны на двоих, но тут вспомнил, что хотя на дворе девяностые и многое изменилось, КГБ остался и продолжает функционировать.

Недавно сам в этом убедился, когда его вдруг на улице перехватили двое неприметных мужчин, усадили в машину и, представившись сотрудниками этого ведомства, стали деликатно, но настойчиво расспрашивать о его бывшем партнере Гукове. Что он мог рассказать?

После разделения общего дела они практически не общались, хотя при встречах дружески здоровались и обменивались пожеланиями успеха.

Знал только, что Азамат болезненно воспринял войну в Абхазии и имел какие-то отношения с добровольцами, сам часто выезжал в Сухуми, был знаком с большими шишками. Так и сказал. Назойливые собеседники предложили выбрать псевдоним, дескать, так положено, в своей докладной они укажут на источник информации. Он сказал, что это знают многие и не считает, что в этом случае должен прятаться за псевдоним, пусть ссылаются на него. И добавил, что больше ему не хотелось бы встречаться ни с ними, ни с их коллегами...

– Ну, а девчонки мои как? – с веселым любопытством спросил Сашка.

– Ты мне признайся, Сашенька, у тебя с ними ничего не было? – заблестела глазами, становясь прежней, все замечающей Затонской.

– Теперь-то можно, за давностью лет...

– Ничего, – он энергично помотал головой, но улыбку скрыть не смог. – Исключительно служебные отношения.

– Так уж и служебные, – не поверила она. – Уж очень они переживали, когда ты уехал. Наташа без слез и не вспоминала. А Ира два месяца ни с кем не разговаривала, на всех мужиков фыркала, как рысь...

У Наташи сын в первый класс пойдет. Работает она на алюминиевом заводе, вместе с мужем. Он у нее начальник отдела, а она помощник у генерального директора. А вот об Ирине ничего не знаю, она уехала в Норильск, работала там на телевидении.

– Замуж не вышла?

– Тогда еще не была...

Задал вопрос из будущего интервью:

– Нравится быть депутатом?

Затонская не удивилась, наверное, уже привыкла к подобным вопросам. Ответила почти не задумываясь:

– Пока не разобралась... Я не думала, что выберут. Муж да Олег Машенко убедили... И помогали хорошо, самыми активными агитаторами были. Вся редакция помогала. А нравится или нет?... Иногда – да, иногда – нет. Ответственности, несомненно, больше. Мы ведь новую страну строим, обратно в развитой социализм или социализм с человеческим лицом возврата уже не будет, а как впереди будет – от нас с тобой зависит... Ладно, тебе признаюсь, что мне нравится. – Она подалась к нему, произнесла негромко, словно опасаясь, что кто-то услышит кроме него: – Я люблю, когда вокруг много умных мужиков...

Выпрямилась, заблестела глазами, не скрывая загадочной улыбки, и Сашка вдруг понял, что с мужем она разошлась или скоро разойдется и, скорее всего, теперь счастлива с кем-нибудь из тех самых умных мужиков, которые ее сейчас окружают.

– Как ты живешь? – спросила, подводя черту под собственными откровениями. – Чем занимаешься? Как семья?

– Тоже, как можем, новую страну строим, – зацепился он за ее фразу и неожиданно для себя, поддаваясь неподдельному вниманию слушательницы, стал подробно рассказывать о своем житье-бытье.

О том, что теперь он и его команда сами зарабатывают, да еще и расширяют дело, не пользуясь никакими государственными деньгами, и даже отчисляют этому самому государству налоги. Что в планах много того, что они обязательно будут развивать, но прежде всего это газеты, книги, хотя хочется построить фабрику по производству таблеток из растительного сырья. Он уже с учеными встречался, чертежи специальной установки заказали... Одним словом, о перспективах он может долго рассказывать... Главное – подобрались одержимые идеями специалисты, не боящиеся нового. Первыми в крае компьютеры освоили, место на товар-

ной бирже приобрели, недвижимостью начали заниматься... Сделали проект здания офиса в четыре этажа.

Построят его и начнут строить одну улицу для всех – так на собрании решили. Все вместе отдыхают, на море, в горы выезжают... Как одна семья. И детей, когда вырастут, за счет фирмы станут учить в лучших вузах. А пока больших ни у кого нет, для маленьких праздники устраивают. Кто повзрослее – уже к делу родителей присматривается. У того же Володи Саткина сын уже на компьютерах помешан, а Светланка, его дочь, рисует неплохо. Жена тоже в агентстве работает, руководит отделом. Родители переехали с Севера, целыми днями на даче живут. Отогреваются.

Когда он закончил, она некоторое время молчала, потом сказала:

– У тебя надо интервью брать, не у меня... – Взглянула на часы. – А с министерством у тебя какие дела?

– Бумагу выбивал.

– Выбил?

– Вроде да. Министр обещал. Вот сейчас пойду к заместителю договариваться окончательно.

– Помочь не надо? У меня с министром неплохие отношения.

– Нет, не надо... Мы с ним уже договорились.

– Ну что, идем.

Она потянулась к сумочке.

Сашка махнул официанту, достал деньги. Затонская закрыла сумочку, сказала:

– Я подожду на улице.

...Стояла, уже отстраненная, ушедшая в свои заботы, – ни дать ни взять государственный деятель, и Сашка догадливо стал прощаться.

Она достала из сумочки визитку.

– В любое время дня и ночи звони. Нужна будет помощь, обращайся. И так, если просто будет желание поговорить...

– Я все же хочу интервью с тобой для нашей газеты сделать. Не возражаешь?

– Газету свою пришли, – сказала она, открывая дверцу тормознувшего такси. – И не теряйся, теперь знаешь, как меня найти.

Он проводил такси взглядом и торопливо пошел в сторону министерства....

...Заместитель министра опять обсуждал будущий закон с гладко выбритым юристом. Увидев Жовнера, он окинул его рассеянным взглядом, словно припоминая, виделись ли они прежде, потом сказал, что совсем зашился. Спросил:

– Сколько бумаги нужно?

– Да вагона бы два... – осторожно начал Жовнер, сам пугаясь своей наглости.

– Это сколько тонн?

– Двести, – брякнул он, почти вдвое увеличив емкость вагона.

Тот что-то размашисто написал на листе, протянул.

– К нашим снабженцам. Там выпишут наряд... А насчет газеты...

Давайте, вы сами подготовьте нужные документы, а Михаил Никифорович подпишет... Вы же знаете, что нужно для регистрации...

– Как быстро?

– Не затягивайте, – произнес тот, уже мысленно вернувшись к более интересному и важному для него.

– Через пару недель, – сказал Жовнер. И торопливо спросил: – А могу я еще кого-нибудь в учредители пригласить?

– Конечно, – тот даже обрадовался. – Только коммунистов не надо, чтобы обязательно демократ был.

– Это понятно... Через две недели я приеду.

– Приезжайте.

И они с гладко выбритым вновь уткнулись в разложенные исчерканные листы...

Жовнер почти бегом прошел по коридорам, отыскал материально-технический отдел, положил перед начальником листок с распоряжением включить газету «Наш курьер» в разнарядку на получение бумаги в количестве двухсот тонн. Замер в ожидании, зная, что порой распоряжения больших начальников легко отменяются маленькими, но тот полистал свои бумаги, что-то куда-то вписал и сказал:

– Будете отгружать из Соликамска.

– Когда?

– Распоряжение отправим в течение недели. Узнавайте.

– У вас?

– Зачем у нас?.. У них. Там очередь... Бумажки-то мы пишем, а отпускают они...

– Спасибо.

...Он шел по шумным многолюдным улицам Москвы и с трудом сдерживал рвущуюся наружу радость. Был бы сейчас рядом Ставинский, они порадовались бы вместе. У того уже планов громадьё по выпуску книг.

Потом еще под новую газету пару вагонов выбить – и жить можно.

Вспомнил о неожиданном предложении министра и подумал, что совсем неплохо иметь партнером министерство. Как бы там ни сложилось, но для местных начальников это имеет значение.

А что касается надежного и настроенного на перемены соучредителя, можно предложить Гукову. Но, поразмыслив, эту идею отбросил: новую газету надо будет ориентировать на Центральную Россию, значит, и учредителю этот регион должен быть интересен.

Азамату больше интересна Абхазия. И если министерство сделает учредительский взнос бумагой, остальным придется вкладывать деньги. Значит, нужен небедный партнер... Перебрал, кого знал. Больше всего подходил Кантаров, у того сейчас было свое издательство, по слухам, и деньги были, но иметь с ним общих дел не хотелось. К тому же согласится ли тогда стать редактором Красавин? А кроме него, на это место Сашка никого не видел.

Вспомнил Гаврилова, бизнес которого начинался с бригады буровиков, а вырос в солидное предприятие. У него интересы по всей стране – от Калининграда до Сахалина и даже за рубежом. На месте не застать, с одной командировки тут же в другую уезжает. Раскрутился он больше, чем они с Азаматом. Слухи ходят, что банк собирается учреждать.

Пока ехал в метро, а потом шел до гостиницы пешком, перебирал знакомых кооператоров. Наконец остановился на Дееве, у которого помимо кондитерского цеха в Черкесске уже начала работать водочная линия и весь товар шел в Москву, а значит, интерес к Центральной России очевиден, и Гаврилове.

Ставинский, на удивление, был уже в номере, висел на телефоне.

Говорил он долго. Сашка успел умыться, прочитать страниц десять, когда тот наконец закончил с кем-то обмениваться сплетнями о жизни популярных рок-групп.

– Ну, как пообщался с министром? – без особого интереса спросил он.

– Пообщался, – решил обидеться Жовнер, только собравшийся поделиться хорошими новостями.

– Ну и как, ничего мужик?

– Нормальный.

– О чем-нибудь договорились?

– Договорились.

– А чего не рассказываешь?

– А тебе интересно?

– Ну ты даешь, старичок... Я эту встречу с таким трудом организовал...

– За это ты молодец, – сказал Сашка, согласившись, что в происшедшем есть заслуга и Алексея. – Поговорили очень даже хорошо...

Ставинский слушал его сначала спокойно, потом стал расхаживать по номеру, а когда Жовнер закончил, довольно потер руки, с грохотом пододвинув стул, уселся напротив и стал загибать пальцы.

– Получим бумагу – первым делом запустим музыкальный еженедельник тиражом тысяч пятьдесят, я уже зондировал, на ура пойдет.

Здесь весь тираж заберут, договорюсь. Потом томик эротики. Полмиллиона зарядим, разлетится... Надо было больше бумаги просить.

– Ну ты и наглец, Леша... Надо было тебя к министру брать... Скажи спасибо, что столько дали.

– Ладно, в следующий раз с тобой пойду, еще попросим...

Взглянул на Сашку изучающим взглядом и неожиданно просящим тоном произнес: – А деньги за еженедельник получим, давай купим технику для тиражирования пластинок... Сделаем свою студию, я самые известные группы привлеку... Можешь не сомневаться, они в этом заинтересованы. И спрос не меньше, чем на книги.

– Давай сначала деньги получим, – уклончиво отозвался Жовнер, разделяя надежды Ставинского, но понимая, что подобное оборудование будет стоить немало.

– Но мы договорились, – сказал Леша, возвращая стул на место. – Я с завтрашнего дня начну переговоры с музыкантами.

Сашка помедлил, но под пристальным взглядом Леша согласно кивнул.

– Да, кстати, тут тебе одна симпатичная москвичка все названивала, номерок оставила. Просила обязательно отозваться, – игриво произнес Леша, выделив «симпатичная», словно уже ее лицезрел, и «обязательно», намекая на нечто непозволительное. Подколол: – Вот уж не думал, что у положительного во всех отношениях однолюба шефа есть жуткая тайна...

– Это старая знакомая, – взглянув на номер и отчего-то смущаясь, сказал Сашка.

– Я понимаю, за пару дней новую с таким милым голоском завести сложно. Но гостиничный номерок-то откуда-то знает...

– Ладно тебе. Подруга холостяцкой юности, – грубовато произнес он.

– Не спорю, – поднял тот руки.

Сашка набрал номер.

– Мне удалиться? – прошипел Леша.

– Можешь записывать...

Трубку Нелли подняла сразу, словно ждала. Обрадованно произнесла, что уже дома, ушла с работы пораньше, ждет его.

– Ты знаешь, ничего не получится. Я уже собрался, через полчаса уезжаю в аэропорт, вылетаю домой.

Ставинский удивленно посмотрел на него, но промолчал.

– Что-то случилось? – после паузы, не скрывая разочарования, спросила она.

– Срочно надо быть на работе... Но через пару недель я снова прилечу, – торопливо пообещал он. – И сразу же тебе позвоню. Ты никуда не собираешься уезжать в ближайшее время?

– Я домоседка.

– Я обязательно приду в гости.

– Позвони, – отстраненно и сухо произнесла она, заставляя Жовнера еще больше чувствовать себя виноватым.

– До встречи, – бодро произнес он.

– Счастливого.

Она положила трубку первой.

– Обидел женщину, – догадливо констатировал Ставинский. – Теперь, старичок, теплого приема и нежного взгляда не жди... А мы что, действительно сегодня летим?

– Завтра утром. Первым рейсом.

Леша глубоко вздохнул. И продолжил, надеясь удовлетворить свое любопытство:

– А ведь мог бы незабываемо провести вечер...

– В тебе погибает талант сводника.

– Это верно, – оживился тот. – Люблю устраивать чужое счастье...

Давай я ей сейчас перезвоню, развею сомнения...

– Ты с переводчиками все вопросы решил? – сменил тему Жовнер.

– Подписали договоры... А что, в следующий раз не возьмешь с собой?

– Там видно будет, – уклончиво отозвался он, запоздало сожалея, что отказался от приглашения Нели. Похоже, ведь действительно ждала, хотела пообщаться, поделиться сокровенным... И совсем не обязательно же было оставаться на ночь. Предложил: – Давай поднимемся в ресторан, поужинаем, коньячку выпьем.

– Вот это замечательное предложение, – потер руки Ставинский. – Не возражаю. Хороший день надо достойно завершить...

Новый мир

Красавин

Теперь у него было дело, которое ему нравилось больше, чем организовывать митинги, пикеты, демонстрации и даже выпускать самиздатовский журнал. Коммунисты все еще сопротивлялись, хотя было очевидно – их дни сочтены. Предложение Жовнера стать главным редактором новой демократической газеты, которую учредили агентство Жовнера, фирма Гаврилова (симпатичный мужик, с амбициозными планами и, похоже, с хорошим капиталом) и федеральное министерство печати, пришлось кстати: противостояние старого и нового вышло на стержневую линию, когда силы сторон равны и даже мало-мальский перевес может обеспечить победу. Естественно, все сейчас решалось в Москве, но на чашу весов противоборствующих сторон подбрасывались провинциальные настроения и события. Недееспособность коммунистов на местах была очевидна, но они все еще сидели в кабинетах, а в их штабах тоже надеялись на неучтенный резерв.

Красавин и его сторонники опробовали уже все способы демонстрации неповиновения вплоть до массовой голодовки, которую провели в палатках, расставленных под окнами здания крайкома партии.

Помимо Красавина, Дубинина и Павлова в ней приняли участие еще с десятков добровольцев. Сменяя друг друга, они придавали этой акции массовый характер, но продержались две недели только они втроем. Тем не менее стали пионерами – голодовок до этого никто не проводил, о них писали центральные и даже зарубежные газеты, но партийные чиновники не сдавались, похоже, они понимали неизбежность своего ухода и теперь оттягивали его, полностью закрывшись от общества. Пора было выходить на другой уровень борьбы.

Предложение возглавить новую газету, с одним лишь обязательством – сделать ее истинно демократическим изданием, оказалось как нельзя кстати. В центральном штабе демократической партии его решение стать главным редактором газеты поддержали, пообещав помощь в сборе актуальных материалов и содействие в распространении газеты в Москве и крупных городах России, там, где демократы уже имели влияние. Поэтому и тираж сразу решили сделать не пятьдесят тысяч, как предложил Жовнер, а двести тысяч экземпляров.

Они втроем (два учредителя и он) слетали в Москву, встретились с министром. Его позицию – развенчивать марксизм-ленинизм, заведший страну в тупик, мобилизовывать население на решение назревших перемен – Красавин разделял полностью. Гаврилов тоже оказался человеком неравнодушным к политике, азартно подключался к оценке ситуации в стране, а Жовнер своевременно, в паузы, вносил прагматичные предложения – и у них получился долгий живой разговор с неторопливым чаепитием в министерском кабинете.

После подписания учредительных документов Красавин уже как полноправный главный редактор остался наедине с министром. Обговорили политику газеты, основные точки приложения сил и даже по предложению министра тут же в кабинете набросали план первых номеров. Наблюдая, как тот азартно предлагает темы, определяет острые проблемы, Красавин сделал вывод, что министр тоскует по живой журналистской работе.

Не удержался, спросил, вспомнив о своем возможном вхождении во власть, по желанию тот стал министром или нет.

– Призвали, – вздохнул тот. – Борису Николаевичу должен же кто-то помогать страну вытащить из этой ямы. – Выдержал паузу, задумчиво глядя перед собой и чем-то напоминая Кучерлаева, потом продолжил: – Нам с вами, Виктор, выпало сложное, но интересное время. Происходят исторические перемены, можно сказать, эпохальные, важные для всего человечества, и мы их реализуем. А пресса сейчас – самая главная власть, на самом острие этих перемен.

Газету делать мне лично интереснее и проще, чем сидеть в этом кабинете. Но важнее заложить основу для развития свободной независимой прессы. Твоя задача – доносить народу правду, моя – сделать так, чтобы таких, как ты, редакторов и демократических газет было как можно больше.

В конце разговора Михаил Никифорович пообещал всестороннюю поддержку и просил звонить без всякого стеснения в любое время дня и ночи.

Из министерства они с Гавриловым поехали к демократам, тот пожелал познакомиться с Травкиным и немедленно вступить в партию. Жовнер сказал, что вступать он пока никуда не собирается и у него есть свои дела.

За время, которое Красавин его не видел, он явно изменился.

Внешне стал более спокойным, сдержанным, предпочитая больше слушать, чем говорить. И совсем перестал интересоваться политикой, хотя все еще исправно платил партийные взносы в КПСС, и они с Гавриловым с трудом убедили его перестать поддерживать отмирающий класс эксплуататоров трудового народа и интеллигенции, к тому же разваливших большую страну.

– Ты ведь коммунистом себя не считаешь, – напирал Гаврилов накануне вечером после экскурсии в недавно открывшийся на Пушкинской «Макдональдс», где, отстояв длинную очередь, они попробовали капиталистические, довольно приятные на вкус, горячие бутерброды, а затем, прикупив в Елисеевском колбасы и бутылку виски, продолжили ужин в гостинице. – А может, даже никогда им и не был.

– Не был, я знаю точно, – подтверждал Красавин. – И не собирался. Он в партию попал под давлением обстоятельств и Сенцова.

Надо было для карьеры... И принимать его тогда в стройные ряды авангарда рабочего класса правильно не хотели... Но он – однолюб...

– И, уже явно опьяневший, придвинулся к Гаврилову. – Вот у тебя, Толя, сколько жен?.. Я имею в виду, любовница есть?..

Гаврилов помедлил, потом признался:

– Жена одна... Любовница тоже имеется... А у тебя?

– У меня были любовницы... Жена – вторая... А у него – одна-единственная... Красавица, правда, но одна, представляешь... И любовницы нет...

– А мы с моей разошлись... Интересы разные... – Гаврилов поднял стакан, не ожидая, выпил. Поморщился. – Надо было водки взять... Она привычнее.

– Так ты что, свободный человек? – уточнил Красавин.

– Официально еще не разведен. Пусть детей воспитывает... Я им денег даю ...

– А он – однолюб, – вернулся Красавин к Жовнеру, молча слушавшему полупьяный разговор. – Вот и взносы платит, не понимает, что тем самым продлевает агонию коммунистов... И сдерживает наступление нового...

– Ладно, убедили, больше платить не буду, – сказал разомлевший от выпитого и начинавший уже дремать Жовнер.

– А партбилет сожги, – сказал Гаврилов. – Или утопи в клозете, как я сделал...

– Нет, мужики, этому действию надо придать политический характер, – загорелся Красавин. – Пойдем завтра на Старую площадь и прямо в ЦК, на стол...

– А он у меня дома остался... – сказал Жовнер.

– Да? – огорчился тот и уставился на Жовнера.

Он уже представлял, как привлечет к этой акции демократов: получится очень даже неплохой акт протеста.

Жовнер утвердительно кивнул.

– Тогда не пойдем, – рассудил Гаврилов. – Тогда пойдем завтра к министру подписывать документы...

Разговор хоть и был пьяный, но наутро по дороге в министерство Красавин напомнил Сашке об обещании сдать партбилет, уже трезво добавив, что коммунист учредителем демократической газеты никак быть не может...

– Я же сказал, вернусь и отнесу, – пообещал тот с нескрываемой обидой...

...В штабе демократов Травкина не оказалось, но Гаврилов быстро познакомился со всеми, кто был, тут же написал заявление о вступлении и пригласил всех однопартийцев в ресторан обмыть это событие. Но суесящимся активистам-демократам было не до этого, они с очевидным сожалением отказались от приглашения. Позвонил помощник Травкина, стало известно, что тот на встрече в Подмоскovie и раньше вечера не вернется, и они пообедали в ресторане вдвоем.

Гаврилов выпил водочки, Красавин лишь пригубил за компанию, вернулся к вечернему разговору, мудро заметив, что благополучие в личной жизни – залог хорошей работы.

– Главное, чтобы интересы совпадали. В молодости больше на лицо, фигуру смотришь, а с возрастом понимаешь: с лица воду не пить... Мы с моей первой женой совсем разные люди... Поддались страсти юности, а потом мучились сколько... – Он задумался, подсчитывая. И сам удивился: – Десять лет почти!..

– А дети есть ?

– Дочь. И сын родился...

– А у меня трое, и я тоже десять лет уже мучаюсь, – весело сказал захмелевший Гаврилов. – Я секретарем первички был на ставке механика, а она – передовым овощеводом. Комсомольскую образцово-показательную свадьбу сыграли, под первого сына нам двухкомнатную квартиру без очереди выделили... Нет, ты не думай, что я из меркантильных соображений женился, она мне понравилась. Может, вот только недогуляли мы, времени не хватило узнать друг друга, как раз в плане мероприятий райкома комсомольская свадьба была... Но мы с ней до перестройки нормально жили. Она после первого сына еще поработала с годик, а потом уже сидела с детьми дома, обеды, ужины готовила... А я крутился с утра до вечера, сначала на предприятии, потом в райкоме... А когда партком возглавил на новой стройке, то и ночевать, бывало, не приходил. Но дом у меня и тогда, и сейчас – полная чаша. Дети обихожены, мать она хорошая, ничего не скажу, даже замечательная. Но культурный уровень, понимаешь, десятиклассницы... Или за детьми смотрит, или в телевизор уткнется и сидит. Ни газет, ни книг не читает. Политикой совсем не интересуется, только и делает, что сплетни собирает, а потом мне пересказывает... Совместных тем для разговора нет... Да и не было... Ты меня понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Красавин, хотя подумал, что, если бы у него было трое детей и жена хорошо за ними следила, он бы, скорее всего, от нее не ушел.

– А тут вдруг встретил... – продолжал Гаврилов. – Она замужем, двое детей... И оба как в омут... Мы с ней понимаем друг с друга полуслова... Когда вдвоем бываем, и поговорить есть о чем, и в постели... – Он запнулся, раздумывая, стоит ли об этом говорить, и закончил: – Одним словом, полная гармония...

– Развестись надо тебе и ей и снова расписаться, – посоветовал Красавин.

– А что, у демократов тоже насчет морального облика строго? – усмехнулся Гаврилов. – Это со стороны так все просто. А у меня пацаны, девчонка, у нее тоже дети... Старший, правда, уже взрослый, самостоятельный, сам скоро папой станет, а дочка школу заканчивает. – И пояснил: – Она меня старше.

– Все у вас сложится, – изобразил из себя провидца Красавин и перевел разговор в плоскость прагматичную. – Не возражаешь, если я тебя уже как члена партии введу в наш политсовет?

– Это что, как в бюро крайкома?

– Вроде того.

– Валяй, вводи. Только что я там буду делать?

– Нам нужен человек, который бы разбирался в экономических вопросах.

– Это можно, – не без самодовольства произнес тот. – Только я редко на месте бываю, все по командировкам мотаюсь. Вот вернемся домой, и я через неделю опять в Германию лечу, там у меня контракт намечается...

– По возможности... – сказал Красавин и изложил главное: – Нам нужны успешные бизнесмены, сам понимаешь, без денег политика не делается...

– Это точно, – подтвердил Гаврилов и сообщил, по-видимому, уже обдуманное: – Кое-какие средства на правое дело обещаю. Ну, и само собой, на газету, как договаривались с Жовнером...

Получив ответ на самый главный вопрос, Красавин стал расспрашивать, чем Гаврилов занимается. Оказалось, что у него сейчас подразделения, бригады и филиалы разбросаны по всей стране и он берется за все, на чем можно заработать. На Сахалине у него рыболовецкая бригада, в Новороссийске – лоцманы, в Ярославской области – дорожники, на Урале – строители, ну а с Европой решил торговые отношения наладить. Под эти разрозненные подразделения он собственный банк открыл, прикинув, что отдаваемых другим и за обслуживание процентов как раз хватит на его содержание, а если к тому же привлечь еще клиентов со стороны, можно и хорошую прибыль получать.

– Я хоть в комсомоле-партии и оттрубил немало, в идеологии ни хрена не понимаю, – откровенничал Гаврилов. – Работяг организовать, спланировать, деньги посчитать – это могу, а газету как делают – ни черта не понимаю. Тут я на вас с Жовнером полагаюсь. А пресса нам нужна, капитал должен свою идеологию пропагандировать. И демократия нужна, свободное предпринимательство, чтобы было уважение к частной собственности... А то я машину тут пригнал из Германии, а ее в первую ночь разули... Прямо под моими окнами... Привыкли, что вокруг все общее, ничье... У меня партнеры есть в стране, в Москве – солидные люди, я их тоже настрою в нашу партию. – И, совсем разомлев то ли от выпитого, то ли от грандиозности ведомых только ему планов, добавил: – Ты не стесняйся, нужны будут деньги, проси... На общее дело не жалко...

Из этого разговора Красавин сделал вывод, что бизнес Гаврилова во много раз больше и солиднее, чем у Жовнера. И оттого отпали последние сомнения в том, что газета может быстро закрыться.

...Первый номер «Демократической газеты» вышел через две недели. Над ним работали вчетвером: он, Анна, Олег Павлов и Верочка Полякова, которая вдруг явилась к нему просить прощения и каяться за свое предательство. И хотя Красавин не был настроен забывать прошлое, глядя на плачущую женщину (которая к тому же все еще ему нравилась), прислушался к совету Анны, которая вдруг решила за Верочку вступить, взял ее в штат редакции. И, как оказалось, не ошибся: бывшая коллега словно решила искупить свою вину, бралась за все, писала много и отчаянно-интересно, словно всю жизнь собирала компромат на партийную власть, и уже через несколько номеров стала одним из самых заметных и читаемых авторов. Даже в Москве заинтересовались ею.

По просьбе министерства они стали размещать публикации на злободневные темы авторов из разных регионов и с помощью штабов Демократической партии реализовывали газету практически во всех областных городах до Урала.

Теперь у Красавина было издание не менее влиятельное, чем иные центральные. Оно не уступало краевому партийному рупору общим тиражом (правда, в крае читателей было пока меньше), но явно выигрывало в остроте и актуальности публикаций. В центральном политсовете и в министерстве каждый вышедший номер неизменно хвалили, что было неудивительно: на страницах «Демократической газеты» печатались именитые публицисты, регулярно выступали известные политики, поднимались самые острые вопросы. Тираж с каждым номером приходилось увеличивать, география распространения тоже ширилась, а он был недово-

лен. Причина была в том, что Красавин вдруг, как и прежде, ощутил себя лишь винтиком в огромном механизме, управляемом из Москвы. Оттуда выдавались рекомендации, советы, которые трудно было проигнорировать, присылались материалы, их в обязательном порядке надо было ставить в номер. Они были интересны вологодцам или ярославцам, а чаще всего москвичам, но никак не тем, кто жил рядом с ним. И если прежде, выпуская самиздатовский журнальчик мизерным тиражом, он зримо ощущал свою нужность, если, возвышаясь над многотысячной толпой, ждущей его слова, без ложной скромности понимал свое лидерство, свою обязанность вести этих людей к конкретной цели, и это волновало, пугало и радовало одновременно, то теперь он вновь превратился в исполнителя чужой воли.

Подобная ситуация очень устраивала краевую власть. У коммунистов появилась пауза для собирания сил, что они и сделали, используя краевую партийную газету, хотя все шло к тому, что партию должны вот-вот запретить. Но газета все еще была подвластна крайкому и, как ни сопротивлялся ее редактор Кучерлаев, доказывая, что надо не воевать с демократами, а садиться с ними за стол переговоров (и даже через Верочку Полякову предупреждал о готовящихся антикрасавинских и антидемократических публикациях), газета продолжала служить уходящему строю, все еще влияя на умы земляков.

Красавин предчувствовал скорые перемены во власти, нет-нет да и вспоминал слова Пабловского о возможном губернаторстве, мысленно примерял эту ношу и тогда почти физически ощущал, что круг демократов ширится не столь быстро, как хотелось бы. Но зато бывшие коммунистические лидеры стремительно мимикрировали.

На политической сцене появились новые фигуры из второго и третьего эшелонов бывших партийных и комсомольских вожakov. На митингах к переменам призывали уже те, кто еще вчера с пеной у рта заклинал не поддаваться обману всяческих демократов, агентов капитализма, возглавляемых изгнанным из газеты бывшим журналистом Красавиным. Получалось, что, с одной стороны, новая газета подняла его и краевую организацию демократов на новый, более значимый уровень, а с другой – мешала влиять на происходящие рядом перемены. И ни с кем не советуясь, продолжая согласно кивать на указания из Москвы, он начал готовить специальный номер газеты.

Верочка Полякова по его просьбе строго конспиративно (контакт с главным демократом края все еще был чреват немедленным увольнением) привела к нему Васю Балдина. Вскоре к тому, столь же тайно, присоединились и другие журналисты краевой газеты – Масалов и Тюнин. Но тайну быстро раскрыл Кучерлаев и неожиданно для Красавина поздним вечером нагрянул к нему домой.

Пришел со своим коньяком. Первую рюмку выпил за Анну, которой посоветовал поддерживать мужа в непростых его делах. Потом они закрылись вдвоем на кухне, и тот вдруг извинился за все, что вынужден был делать.

– Это для тебя гласность – свобода. А я – редактор партийной газеты, человек подневольный. Для меня что гласность, что демократия, суть одна – служи хозяину. Так что уж прости.

Они выпили по рюмке, становясь еще добрее друг к другу.

Потом он хитро прищурился, явно чего-то недоговаривая, но, несомненно, зная...

– На Западе при демократии у каждого издания тоже свой хозяин, – уклончиво произнес Красавин. – Просто там их много, на любой вкус...

– На любой вкус, – повторил Кучерлаев, не отводя взгляда. – И у нас так будет... У тебя вот тоже есть начальники, учредители...

– Они мне не мешают, – сказал он, не кривя душой. Мешали ему сейчас старшие товарищи по новой партии.

– Это хорошо, когда совпадают взгляды и чаяния... А я вот, будучи коммунистом, никак не могу согласиться с действиями нашего крайкома, – вздохнул Кучерлаев. Разлил коньяк, поднял рюмку. – Давай выпьем за понимание. – Выпил, не ожидая. – Признаюсь, что-то меня

привлекает во всех этих переменах, тянет к таким, как ты. И что-то отталкивает... Ведь уже было: «Весь мир насилия мы разрушим до основания...». Вот скажи, Виктор, обязательно разрушать то, что есть, что уже построено?

И Красавин понял, что это не риторический вопрос, что этот немало повидавший в жизни седой мужчина, сидящий напротив, действительно ждет от него ответа...

– Не думаю, что обязательно, – неуверенно отозвался он. Но, вспомнив собственное бесилие перед несправедливой партийной волей большинства, пустые магазины, безжалостные очереди, в которых сам порой поневоле превращаешься в животное, поставил точку в споре с самим собой: – Нет, все же надо... До самого основания!.. – И продолжил цитату: – «Мы наш, мы новый мир построим...» Чтобы не проросло больше никакого культа вождя и насилия над личностью...

– «Кто был никем, тот станет всем...» Сакральное признание... – продолжил Кучерлаев. И после паузы задумчиво закончил: – А все ради власти... – И другим тоном продолжил:

– Ну что же, если вы так уверены... Я вот тут... – Он достал из кармана пиджака сложенные вчетверо листы, начал их разворачивать.

Вдруг остановился, положил их на край стола.

– Давай еще по рюмашке...

Красавин налил.

Он опрокинул залпом, взял кружок лимона. Похлопал ладонью по листам.

– Тут кое-какие мои мысли по поводу будущего. – Помолчал, раздумывая, затем неторопливо стал складывать их по старым изгибам.

– Вот хотел предложить в вашу демократическую газету, но, пожалуй, еще подожду... – Поднялся. – Ты извини, Виктор Иванович, может, я не совсем в строку, но, научившись разрушать, как правило, разучиваются созидать...

И, уже на пороге, совершенно трезво произнес:

– А вы поразмыслите, сколько таких, как я, по всей стране сейчас выбрать не могут, в какую сторону идти?... Может, стоит к нам прислушаться?

– Так давайте ваши заметки опубликуем?

– Я пока погожу...

Красавин встал.

– Надумаете – приходите... Даже если я не соглашусь с вами, в газету поставлю обязательно... Демократия тем и отличается от коммунистического режима, что позволяет каждому иметь и высказывать свое мнение, каким бы оно ни было...

– А ты помнишь басню Крылова о лебеде, раке и щуке?... У них, у этих зверушек, у каждого свое мнение по поводу направления... «А воз и ныне там...» Ладно, счастливо вам оставаться...

Шагнул в вечернюю темноту и исчез.

Вышла из комнаты Анна.

– Ты бы проводил... Заблудится в наших переулках.

– Сюда же дорогу нашел...

– А зачем приходил?... Парламентом?

– Нет, скорее перебежчиком... – Он помолчал. – Но отчего-то не перебежал...

Она вопросительно взглянула на него, но ничего больше спрашивать не стала...

...Верочку Полякову Красавин на всякий случай не стал посвящать в планы, хотя она ревниво относилась к их уединенным беседам с Васей Балдиным. Он теперь не доверял ей и понимал, что вряд ли когда-нибудь изменит свое отношение. Но тем не менее поручил подготовить хороший аналитический материал о промахах партийного руководства края. Анне он о спецвыпуске тоже ничего говорить не стал, хотя та и так догадывалась, но не вмешивалась,

хватало забот с сыном. Не стал вводить в курс Дубинина и Павлова, которые больше занимались организацией митингов и привлечением новых людей в партийные ряды.

Наконец номер вышел. В нем была вскрыта подноготная партийного управления краем, приведены вопиющие факты протекций по знакомству, родственных связей, пронизывающих практически все структуры, наличия загородных, недоступных простым смертным территорий с дачами и дачками, перечень льгот, положенных аппаратчикам, даже рядовое меню обеда в столовой крайкома и описания прочих спецучреждений и спецслужб для узкого круга выживших. Эффект от выхода превзошел все ожидания. И хотя в первые дни Красавину немало всего пришлось выслушать от московских партийных начальников по поводу того, что он невыходом российских материалов подвел многих людей в разных регионах, спустя неделю, когда стало понятно, что теперь уже крайком можно безболезненно отправлять в отставку, те сменили гнев на милость. Собиравшаяся по утрам у здания крайкома и множившаяся с каждым днем толпа требовала незамедлительных действий, становясь все более нетерпеливой, и Павлову с Дубининым приходилось ежедневно увеличивать число помощников по слежению за порядком, чтобы не вызвать ненужной реакции не уверенных в своей правоте, но все еще подчинявшихся уходящей власти милиционеров, так же каждое утро в большом количестве прибывающих к зданию.

Красавин дал команду осаду держать до победного конца. Но почетного исхода властей предрежащих все не было. Хотя мелкие клерки незаметно разбежались и по утрам уже не тянулись многочисленной вереницей к огромному зданию, главные правители края все еще продолжали сидеть в кабинетах, переговариваясь по спецсвязи со столицей. Красавин догадался, что идет торг. К концу недели, видя, что еще пара дней – и они утратят контроль над толпой, а значит, и наработанный демократами авторитет, полетел в Москву. Обойдя всех, кто мог повлиять на ситуацию, неожиданно Красавин понял, что торг идет с администрацией президента. Сунулся было к Пабловскому, но тот, мило улыбаясь, развел руками, мол, ничего пока не знаю (хотя явно что-то знал), и Красавин сделал вывод, что прежнее неожиданное предложение стать губернатором уже не является актуальным, и облегченно вздохнул. С одной стороны, все это время он произвольно примеривался к должности руководителя края, прикидывая, что и как стал бы делать. С другой – отдавал себе отчет, что у него нет необходимого опыта, чтобы управлять краем, нет, собственно, и команды, на которую можно было бы опереться. Те же Павлов и Дубинин – хорошие мужики, работяги, искренне верящие в демократические преобразования, но если и способны чем руководить, то институтом или небольшим заводиком. Та же троица хороших журналистов во главе с Балдиным, некогда привезенная им из соседнего края, – ребята, конечно, энергичные, за этот номер им отдельное спасибо, но и у них опыта с гулькин нос, опять же, на роль разве что начальников управлений годятся...

Теперь он почувствовал облегчение, словно избежал ярма, которое чем-то его все же манило и от которого что-то отталкивало, и сразу стало веселее, словно сбросил непосильную ношу. Решил еще раз обежать министерство печати и партийный штаб, утрясая назревшие вопросы, предупреждая о недопустимости промедления, и там и там находя понимание и поддержку. В министерстве его и разыскали, срочно пригласили на аудиенцию к президенту.

Он сидел в министерской «Волге», которую ему тут же выделили, и, предполагая, что услышит лестное предложение (не будет же президент приглашать на встречу, чтобы просто поболтать), подбирал веские аргументы, чтобы они не выглядели словами труса, спасовавшего перед трудностями, а могли продемонстрировать трезвость самооценки. Так и вышел у подъезда, ничего не подобрав, кроме фразы о том, что всю жизнь делал газеты и ему это очень нравится.

Он думал, что его встретит Пабловский, но подошел молодой человек, молча повел по коридорам в приемную, где попросил подождать среди томящихся многочисленных посетителей, которым, как понял из реплик Красавин, было назначено каждому на определенное время,

но в кабинет постоянно входили те, кому не было назначено, внося беспорядок, отчего в приемной висело явно накапливающееся недовольство. Но Красавину томиться не пришлось, из кабинета вышел Пабловский, взглядом выхватил его из очереди ожидающих, подошел, подцепил по-свойски под локоть и вывел из приемной.

– Сейчас президент очень занят, видите, сколько к нему...

Провел его в свой кабинет, болтая о всяких пустяках, предложил кофе, словно им некуда было спешить. Но Красавин отказался, догадываясь, что можно не готовить больше никаких фраз и он сейчас услышит какое-то предложение, но уже очевидно не то, о котором думал. И не ошибся...

– Я с вами буду говорить, как с умным и проницательным человеком, сразу без обиняков, – посерьезнел Пабловский. – У нас к вам два предложения. Первое – пойти работать первым заместителем главного редактора федеральной газеты, которую мы открываем. И второе предложение, если не хочется в столицу, – он улыбнулся, словно предположил заведомо несерьезное, – остаться в крае заместителем руководителя новой краевой администрации, которая сейчас формируется... Да, вы еще, наверное, не знаете, ваш крайком пал...

– Не удержали людей? – с тревогой спросил Красавин.

– Нет, нет, – улыбнулся Пабловский. – Я образно... У вас там все тихо-мирно прошло – они собрали свои вещички и покинули кабинеты... С сегодняшнего утра у вас новый руководитель администрации. – И, перехватив вопросительный взгляд Красавина, продолжил:

– Это крепкий хозяйственник, с необходимым опытом... Был членом партии, как и положено в те времена, но вышел. Президент его знает лично... Ну так что, Виктор Иванович, остаетесь в столице?.. С квартирой не сразу, но поможем...

Красавин молчал.

Предложения были неожиданными.

И льстили его самолюбию.

Первое из них позволяло реализовать вынашиваемую каждым провинциальным журналистом мечту – работать в столичной газете. И даже сразу перепрыгнуть несколько ступенек. При коммунистах с должности заместителя редактора краевой газеты он бы с радостью пошел в собкорры центральной, в лучшем случае, имея хорошие связи, мог стать заведующим отделом в какой-нибудь московской газете... Второе предложение было заманчиво неведомой новизной. И оно снимало те страхи, которые не так давно заставляли его подбирать аргументы, чтобы с достоинством отказаться от губернаторства. Быть заместителем – другое дело. Меньше ответственности, есть возможность учиться. Но главное – ему не надо собирать команду, брать ответственность за весь край на себя. Отвечать же за свое направление, которое ему поручат, он вполне сможет...

– А кто... стал главой администрации?

– Человек с опытом, но не публичный, вряд ли вам приходилось сталкиваться. Он некоторое время работал в советских органах...

– Я его знаю?

Пабловский назвал фамилию.

– Не сталкивался, – покачал головой Красавин.

– Я понимаю, вам надо подумать... Вы когда летите домой?

– Собирался сегодня вечерним самолетом...

– Можете не торопиться... День-два у нас есть. Посоветуйтесь с семьей... Но и не тяните, сами понимаете, сейчас решения надо принимать быстро!..

Обычно в самолете Красавин расслаблялся, под ровный гул турбин дремал или думал о приятном, что ждало его в будущем. Когда летел в столицу – прикидывал, как будет решать вопросы, какого результата необходимо добиться. Когда возвращался домой, думал об Анне и сыне (надо же, прав Слава Дзугов, для отцовства надо созреть), о верных соратниках. На

этот раз он все время переключал и переключал «за» и «против» на чашах воображаемых весов, маялся на классической развилке: «направо пойдешь... налево пойдешь...» и, сходя с трапа в Ставрополе, окончательно решил, что поступит так, как посоветует Анна.

Встречали его Игорь Дубинин с Козько, который в последнее время охотно помогал им в партийных делах личным транспортом.

Они наперебой начали рассказывать о постыдном бегстве партийных функционеров из кабинетов, потом о назначенном руководителе края, с которым никто из них лично не сталкивался, но Козько был наслышан, что тот управленец неплохой, хотя и не очень заметный, и даже в нынешнее время свое предприятие умудрился сохранить...

Работал и в исполкоме, но не долго. На первых ролях не был. Но, по слухам, был знаком с президентом еще с давних времен. Одним словом, выбор Москвы, как и в прежние времена, пал на свою «серую лошадку» – крепкую посредственность.

Было время, когда Красавин задумывался, что же лежит в основе подбора руководящих кадров, и пришел к выводу, что самыми главными качествами для карьерного роста являются усредненность и окатанность. Он назвал это коэффициентом гладкости. Если эти два фактора подкреплялись личной благосклонностью начальства – стремительная карьера в партийном или комсомольском аппарате была обеспечена. Под усредненностью он имел в виду биографию без сучка и зазубрины, отсутствие каких-либо падений и взлетов, отклонений вправо-влево от генеральной линии, явно выраженных амбиций. Одним словом, то, что можно обозначить как неприметное ощущение наличия... Не проходили этот тест, как правило, очень умные и деятельные... Коэффициент гладкости складывался из обтекаемости суждений, особенно явных во всяческих речах, беспринципности действий и холуйского подобоострастия, которое требовалось при встрече высших чинов...

Но это было прежде, размышлял он, теперь же все по-другому, и вот ему, совсем не обладающему подобными качествами, но не лишенному амбиций и кое в чем возвышающемуся над среднестатистическими гражданами, предлагают высокую должность... В конце концов, все зависит от него самого...

Додумать не успел. Восторженное и сумбурное изложение соратниками последних событий отвлекло, вернуло к делам насущным, вызвало прилив энергии и заинтересованности. «Центральная газета, столица – это, конечно, замечательно, но там все чужое, все будет внове, здесь же не надо никому о себе рассказывать, здесь я дома...», – мелькнула мысль.

– Как слетали, Виктор Иванович? – поинтересовался Козько, въезжая в город.

«Как Анна скажет, так и будет», – решил он окончательно, прежде чем ответить.

– Неплохо.

И, понимая, что это не удовлетворит их любопытство, добавил: – О губернаторе я в курсе, в администрации президента был разговор...

И на этой многозначительной фразе замолчал – пусть думают как хотят, фантазируют...

– А мы теперь как? – неуверенно произнес Дубинин, который никогда не отличался аналитическими способностями.

– А мы, Игорь Львович, будем строить демократическое общество и новую страну, – обтекаемо произнес Красавин и поймал себя на мысли, что уже начал перенимать чужой опыт... Уже будничным тоном добавил: – Работы хватит, главное, чтобы теперь эти кабинеты заняли достойные люди... На днях соберем политсовет и все обсудим...

...В этот вечер они с Анной заснули под утро. Сначала долго убаюкивали сына: у малыша резались зубки, и он плакал. Потом любили друг друга так, словно встретились после долгой разлуки. И обсуждение предложения Пабловского затянулось до рассвета. Анна сразу согласилась на переезд в Москву: там у нее руководитель диссертации, она быстрее напишет и защитит докторскую, будет преподавать в солидном вузе, у него тоже перспектива... И тут оказалось, что ни она, ни он не видят для него перспективы, кроме как стать главным редактором,

что маловероятно, ведь скорее всего посадят на это место человека не со стороны, а хорошего знакомого если не президента, то министра или того же Пабловского. Можно, конечно, потом перейти в администрацию или министерство, но это Красавина не грело.

Клерком быть скучно и нудно даже в самом высоком учреждении.

Писать диссертацию и становиться преподавателем он тоже не хотел.

– Похоже, привык я к вольной жизни, – усмехнулся он.

– Диссертацию я могу и здесь написать, – положила ему голову на плечо Анна. – А преподавать и в нашем институте можно, тоже есть умненькие ребятки... И Гриша здесь здоровее будет. У нас все-таки юг, тепло, фрукты-овощи, воздух чище... – Перевернулась, положила руку ему на грудь. – И тебя все здесь знают, уважают...

– Остаемся?..

– Если пригласят еще раз, тогда подумаем... – оставила она на всякий случай запасной вариант.

– Мне надо завтра ответить.

– Ну, потом когда-нибудь же пригласят... – бодро произнесла она.

– Ты у меня умница, – он поцеловал ее. – Так завтра и скажу: до следующего приглашения...

И крепко обнял Анну.

Вдруг вспомнил Жовнера и, засыпая, подумал, что теперь несколько не завидует тому и знает его секрет: главное, чтобы жена тебя понимала лучше, чем ты сам себя...

Пабловский его решению не удивился. И, похоже, его и ожидал.

– Ну и замечательно, Виктор Иванович. Я уже с вашим главой переговорил. Он завтра вас пригласит. Такие помощники, как вы, ему очень нужны. Не стану скрывать, он даже просил в столицу вас не забирать. И очень хорошо, что совпали ваши желания. В этом я вижу залог успешной совместной работы. Так что идите к нему завтра с утра без всякого звонка. Я предупрежу, он будет ждать...

Вечером Красавин собрал политсовет. Звонил и Гаврилову, но тот укатил в Германию, и его заместитель сказал, что надолго. Пригласил и Верочку Полякову: формально он теперь редактором быть не может, хотя первое время, конечно, помогать будет, и на это место лучшей кандидатуры, как ни перебирал, не видел. Даже с Анной советовался, поделился своими сомнениями, но та сказала, что Верочка очень раскаивается в своем давнем поступке, в крайкоме ей все не так преподнесли, не разобралась, а профессионально делать газету сможет только она.

Перед заседанием переговорил и с Дубининым, которого видел руководителем партийной организации. Новость того удивила. Он долго вопросительно смотрел на Красавина, потом неуверенно произнес:

– А как же?.. Мы же боролись?.. А теперь...

И Красавин понял, что тот имел в виду, терпеливо стал объяснять, что цель любой политической борьбы – это не свержение власти, а замена ее людьми, разделяющими революционные для определенного этапа идеи. И вот теперь, когда коммунисты уходят с политической сцены, именно им, демократам, придется вытаскивать страну из той ямы, в которую она попала при коммунистах.

– Задача демократических партий – поддерживать свою власть, помогать ей. Я вижу тебя, Игорь Львович, руководителем нашей краевой демократической организации. У тебя большой жизненный опыт, ты предан идее, в чем я не сомневаюсь, умеешь организовать работу...

Мы будем часто встречаться, для тебя я свободен в любое время...

Дубинин явно не ожидал этого, было видно, что предложение ему польстило.

– Я не знаю... – неуверенно произнес он. – Говорить зажигательно не умею...

– Это теперь и не нужно... У тебя вон какой опыт в профсоюзе...

– Да, это верно...

– Значит, членам политсовета я предлагаю на свое место тебя.

– А Олег Павлович? – вдруг вспомнил тот о Павлове.

– Олег Павлович будет заниматься другим, – уклончиво ответил Красавин, не раскрывая своих соображений.

С Павловым он переговорил сразу после звонка в Москву, поинтересовался, пойдет ли тот работать в новую администрацию края. И хотя еще до конца не было известно, чем они будут заниматься, Павлов к предложению отнесся с явным интересом и сказал, что, если не придется курировать агрокомплекс, в котором он ни бельмеса не понимает, всему остальному можно и научиться...

Политсовет прошел быстро, без вопросов, видимо, все-таки информация о назначении Красавина уже откуда-то просочилась. Кандидатуру Дубинина одобрили единогласно. Полякову тоже утвердили на должность главного редактора, хотя этого, в принципе, и не требовалось – это было прерогативой учредителей. Но одобрение политсовета могло сыграть свою роль в представлении нового главного редактора министерству. С Жовнером Виктор переговорил по телефону, тот, похоже, весь в своих делах и заботах, не сразу понял, что произошло, нисколько не удивился, дежурно поздравил его с назначением и сказал, что против Поляковой он возражать не станет.

– Тебе там виднее, а если по публикациям судить, то журналист она хороший. Гаврилов, думаю, тоже согласится, а с министерством сам решай. – И, кому-то проговорив: «Сейчас едем», добавил: – Хотя наших двух голосов и так достаточно, но ссориться не хотелось бы...

– Само собой, если министерство не поддержит, портить отношения не станем, – согласился Красавин.

Хотел поинтересоваться, как у Жовнера идет его бизнес, но не стал, тот теперь постоянно был занят, секретарша долго не хотела соединять. Но не выдержал, словно примериваясь к новой должности, и попенял:

– Ты уж свою даму в приемной просвети, чтобы не мариновала меня...

– Извини, я по другому телефону разговаривал. У меня заместитель в Карелии вторую неделю на комбинате сидит, никак бумагу не выбьет... А так она знает, что тебя надо незамедлительно соединять.

Только свой новый телефон не забудь сообщить.

Красавин положил трубку и подумал, что скоро и у него будет полно забот и своя заградительная секретарша...

...Глава администрации края оказался плотным, среднего роста, с убеленными сединой висками, внешне спокойным пятидесятилетним мужчиной. Он вышел из-за стола, заваленного всевозможными папками и бумагами, крепко пожал руку, пояснил:

– Вот разбираюсь с наследством... Присаживайтесь, Виктор Иванович... – Указал рукой на длинный стол, стоящий в стороне, за которым первый секретарь крайкома проводил заседания бюро и рабочие совещания и сел напротив. – Я вас знаю, на митингах бывать приходилось, – доброжелательно улыбнулся. – Статьи ваши читал, газету... Да и журнал. От корки до корки... Сразу скажу, чтобы вопросов никаких не было, работать нам вместе долго и напряженно: не во всем с вами согласен, но что касается необходимости перемен в экономике, обществе, тут мы с вами единомышленники. И придется нам теперь вкалывать с утра до ночи засучив рукава и иметь дело со всеми, с кем необходимо, невзирая на партийную принадлежность и идеи... Как вы, готовы?

– Я своих убеждений менять не собираюсь.

– А этого никто и не требует. На мой взгляд, принадлежность какой угодно партии сейчас не главное. Главное – страну поднять, экономику. Главное, чтобы гражданской войны не было... С этим вы согласны?

– Это очевидно.

– Вот поэтому наша задача – собрать тех, кто хочет работать. Коммунист или демократ – неважно. Главное, чтобы если не умел, то знал, что делать. А если и не знал, то хотел бы... Кто сейчас знает... никто из нас при капитализме не жил. Будем вместе учиться. – Он пристально посмотрел на Красавина, ожидая ответа.

– Я не против... учиться. А что касается убеждений, то демократия предполагает плюрализм мнений...

– Вот и замечательно. Значит, в главном мы друг друга понимаем... – Он откинулся на стуле. – О себе рассказывать не буду, захотите, все узнаете. О вас знаю вполне достаточно, чтобы вам верить и на вас надеяться. Приказ о вашем назначении готов. Так что, вот здесь ваш кабинет, – он ткнул пальцем в разложенный на краю стола чертеж здания, – на четвертом этаже... Мне Пабловский сказал, что вы изъявили желание заниматься социальным блоком вопросов?

Красавин попытался вспомнить, когда они с Пабловским говорили на эту тему, но сколько ни старался, так и не смог.

Неуверенно кивнул.

– Вот и отлично. Именно это направление я и хотел вам предложить. Занимайте кабинет, устраивайтесь. И первым делом набросайте свои соображения по структуре... Мой совет: возьмите за основу структуру крайкома, я сам так сейчас делаю. Что-то менять, конечно, мы будем, но основа управления у коммунистов крепкая, дееспособная... Ключи от кабинета у завхоза, управляющего зданием, он сейчас на месте. Работу терять не хочет, услужлив и вежлив, как дамский угодник, вы с ним построже... Технический персонал тоже весь работает, если вдруг какие вопросы возникнут. – Поднялся, вернулся к своему столу. – Да, Виктор Иванович, с предложениями по структуре и планом первоочередных задач не затягивайте, неделя – две от силы. И прикиньте, кого возьмете руководить своими департаментами, познакомьтесь сначала с теми, кто работал, они в курсе дел, без них мы никак не обойдемся, если намерены учиться всерьез. Во всяком случае, первое время... – И, предупреждая возражение Красавина, добавил: – Если у вас уже есть кто на примете, давайте в приказ...

– Со структурой прежде определюсь...

– Хорошо. Посмотрите, что у коммунистов было... Ну, а потом мы с вами как-нибудь вечером останемся и поговорим предметнее...

Красавин согласно кивнул и вышел из кабинета.

В приемной переминался с ноги на ногу багровый от волнения управляющий зданием. Незаметный, в строгом костюме, ждущий...

Хранитель тайн этого большого здания. И, наверное, не только здания... Стремительно двинулся навстречу, всем своим видом выражая готовность исполнить любое приказание, и Красавин подумал, что при любом строе всегда находятся те, кто готов служить новому хозяину.

– Ну, vedi, Сусанин, – сам не понял, почему так вдруг обратился к завхозу. И уточнил: – Показывай, где там на четвертом просторный кабинет...

Жовнер

Время – величина непостоянная. И субъективная. В этом Жовнер убеждался теперь ежедневно. Как и в том, что оно непосредственно связано с открывающейся информацией, обретением нового знания. Отчего таким длинным кажется детство? Потому что каждый день насыщен открытием нового. Все органы чувств, мозг работают на полную катушку, без остановки воспринимая неведомое прежде, анализируя, систематизируя, закрепляя, откладывая информацию об узнанном на разные полочки памяти. С взрослением непознанного, не пережитого становится все меньше, новизна исчезает. Заканчивается период обучения, и жизнь превращается в череду будней, в которых чувствам и мозгу уже не приходится столь интенсивно рабо-

тать. И только жажда путешествий, узнавания новых мест напоминают о том, что естественное и радостное состояние человека – это интенсивная работа его существа. Именно состояние новизны, непознанности замедляет ток времени, удлиняет и наполняет жизнь. Однообразные будни, неотличимые друг от друга, проскальзывают незаметно, стремительно и осмысливаются исключительно как категория прошлого, ибо в настоящем ничего значительного не происходит – нет новизны. Вот отчего прожитое остается в памяти чаще отпускными изменениями обстановки или же некими нестандартными, неожиданными событиями. Вот отчего конец рабочей недели в застойные времена, как правило, завершался дружеским застольем, за которым под воздействием выпитого все проблемы утрачивают остроту, сослуживцы становятся милыми и неожиданно симпатичными, служба сладкой. Вот отчего манят рыбалка, охота, всевозможные взрослые игры (в том числе любовные), в которых есть непредсказуемость и новизна если не в общем, то в частностях.

Профессия журналиста, на взгляд Жовнера, тоже предполагает некое разнообразие этих самых будней: встречи с людьми, узнавание нового, поездки в незнакомые места – все это не дает любопытству притупиться или исчезнуть окончательно, а мозгу разлентиться. Тем не менее и эта профессия не позволяет вернуться в многогранное, восторженное и наполненное эмоциями детство. Не хватает интенсивности, насыщенности новизной. Но то, что теперь происходило в обществе, по стремительности изменений Сашка воспринимал если не как возврат в детство, то несомненное приближение к нему.

Теперь каждый новый день приносил множество неведомого прежде.

Неожиданные перемены, желание и умение осваивать новое разделили людей, как Жовнер для себя определил, на тех, кто помнил детство или хотел вспомнить, но по каким-то причинам не мог, и кто вовсе не желал его вспоминать. И в зависимости от этого принимал новизну, пытался понять или отвергал, не задумываясь. И теперь в одной среде, в одном обществе появились разные группы людей, отличающиеся отношением к новой информации, скоростью ее восприятия и темпом жизни. Одни успевали поразительно много, и у них многое получалось, другие же, наоборот, ничего не могли и не хотели. У одних жизнь стала длинной и насыщенной, как в детстве, у других – короткой и бездеятельной. Первые азартно осваивали новые знания, вторые прятались от реалий – кто как мог.

Если бы у Жовнера было время размышлять, он обязательно развил бы вдруг пришедшую идею о зависимости времени от насыщенности жизни новизной (что, в свою очередь, формирует понятие счастья), о полезности этой новизны, даже какую-нибудь формулу выдумал, но этого как раз и не было. Впрочем, и подобные размышления не казались важными. Как уже не казались важными и собственные литературные опыты, судьба написанного совместно со Ставинским романа, признание... Да, собственно, и желание сочинять, что-либо выдумывать тоже пропало.

В институте, когда он осознал интерес к литературному творчеству, помимо ответа на вопрос: важнее ЧТО писать или КАК писать, он не мог понять, почему никто не опишет один день студенческой жизни.

Самый обычный, в котором ничего неординарного не происходит, но который каждый из них с удовольствием проживает. Он даже попытался написать такой рассказ, но переложенные на бумагу события отчего-то утратили то самое удовольствие жизни, которое сам автор ощущал, а хронологически изложенная цепочка мелких событий при прочтении оказалась скучной. Тогда он вновь перечитал «Былое и думы» Герцена, в очередной раз позавидовав героям исторических событий, которым не нужно было ничего выдумывать в своей жизни...

Теперь он ощущал себя в их роли, но от этого осознания возникло не желание писать, а желание делать. Размышлениям он предпочел познание прежде неведомого. Для него и для тех, кто находился рядом, это была долгожданная встреча с новым миром, негаданно выпавшая на их долю и прервавшая череду, казалось бы, нескончаемых, однообразных будней, прожи-

ваемых под руководством авангарда рабочего класса. Теперь в его жизни все было интересно. Агентство расширялось, появлялись новые люди и новые направления работы. И каждый день – новые задачи, никакой рутины, думай, учись, полагайся на интуицию....

Менялось восприятие не только времени, но и пространства.

Первым из тех, кого он знал, раздвинул привычные рамки реальных перемещений Гаврилов. После деловых поездок по стране от Калининграда до Курил, он вдруг полетел в Индию на встречу с тамошними бизнесменами. Но эта страна его ничем не удивила кроме нищеты, грязи и наносной экзотики, а индийские бизнесмены ничего дельного не предложили; похоже, они просто хотели посмотреть на русских начинающих капиталистов, и он, разочарованный, в противовес, без длительного перерыва, одним махом на автомобиле проехал всю Европу, присматриваясь, прицениваясь. И остановился на Германии.

– Наши отцы и деды их били, а мы теперь у них учиться будем, – с выражением произнес он, делясь своими впечатлениями после этой поездки. – Такие все улыбочивые, благожелательные... но мурые... господа-партнеры... – последние слова произнес с довольной интонацией, словно разгадал непростую загадку, и пояснил: – Торговать своим ширпотребом предлагают. Для них наша страна – безразмерный базар и ничего больше... И они все еще верят, что у нас за Уралом медведи по улицам ходят... Наши просторы у них зависть вызывают, а боятся они нас потому, что понимают: с такой территорией им не совладать... Жидковаты будут... Ничего не скажу, дороги у них отменные, автомобили, сам понимаешь, не чета нашим, живут чистенько... А отчего? Да оттого, что когда от деревни до деревни доплюнуть запросто, а народ живет как селедки в бочке, боками друг о дружку трутся, все вылизать можно, нечем же больше заняться... У них ведь нет нашей необозримости, которую не вылижешь при всем старании даже с их немецкой педантичностью – главное, хотя бы не запустить... Я тамошним партнерам предложил со мной на Камчатку слетать, а они, как узнали, сколько лететь, говорят, им в Америку быстрее и там, мол, цивилизация... Вот денег с их помощью заработаю и какой-нибудь заводик в Сибири заложу...

...Ставинский через знакомых списался с коллегой-журналистом в Польше и поехал по приглашению к нему. Вернулся полный впечатлений и от Леха Валенсы с его «Солидарностью», и от обилия товаров, и от цен со многими нулями в тамошних злотых. Он рассказал, что инфляция у соседей галопирует еще круче, чем у нас, а граница с Польшей превратилась в огромный базар, на котором круглосуточно идет прямой обмен того, что есть у нас, а у них нет, на то, что есть у них и нет у нас. С нашей стороны наибольшим спросом пользовались электроприборы и... мышеловки.

– На этом можно заработать процентов пятьсот, – убеждал он Жовнера, предлагая вложить деньги в приобретение мышеловок. – Я посчитал, на каждый рубль пять-шесть навар будет... Давай с маленькой партии начнем. Я сам с Маркеловой поеду продавать...

И убедил, Сашка согласился, но Леша мышеловок не нашел, конъюнктура скоро изменилась.

– Ты знаешь, что мне Вацлав написал?... Самый крутой навар у них сегодня на папиросах, – интригуяще сообщил он спустя месяц.

– Один к двадцати. На обыкновенном «Беломоре»!... А знаешь, зачем им папиросы? – И, выдержав паузу, поражаясь нелюбопытству Жовнера, раскрыл секрет: – Они в них наркотики набивают...

Папиросы купить можно было, но зарабатывать пусть даже большие деньги, нарушая закон, никто не хотел.

Сашка тоже собрался съездить в Европу и уже договорился с Гавриловым отправиться с ним в пристяжку, на погляд. Торговать западным товаром он не планировал, но вот партнеров по продаже книг найти надеялся, исходя из того, что и в Германии, и в Израиле теперь было полным-полно русскоязычных беглецов из Советского Союза. Но вместо сугубо мужского кру-

иза по Европе, в котором ожидалось много пива и деловых встреч (во всяком случае, так обещал Гаврилов), Сашка вместе с Еленой отправились в Болгарию.

Удружили Костя Бородулин, увлекший в свое время идеей обработки поделочных камней. В очередной командировке в Москве Костя познакомился с болгаркой и, как перезревший Ромео, страстно влюбился, развелся с женой, уволился и уехал в Софию. Спустя три месяца вернулся, опять пришел в агентство и к бывшей жене (не разрывая отношений с болгаркой), через пару месяцев снова уехал, договорившись, что откроет в Болгарии представительство агентства и корпункт газеты, и оттуда Жовнеру вдруг поступило приглашение от неведомой ему фирмы.

Они полетели с Еленой в конце лета, по пути погостив в Киеве, побывав в Лавре (спустившись в пещеры отшельников, он понял, что очень любит солнце и никогда бы не стал монахом или шахтером – подземелье давило на него – вечная темнота пугала), побродив по вечернему Крещатику (вполне обычная улица, а вот знаменита...), переночевав в лучшей по советским стандартам гостинице.

На следующий день, промаявшись в Борисполе часа два (удовлетворяя любопытство пограничников), они еще через пару часов уже осваивали шикарный гостиничный номер в четырехзвездочном отеле в Софии (как все-таки близка и мала Европа!) и все ждали хозяев – тех, кто пригласил их, но так и не дождались за всю неделю, что пробыли там.

Но зато с удовольствием погуляли по столице чужой страны, в которой Жовнер чувствовал себя удивительно уютно, как ни в одном из немецких городов, в которых побывал в юности. Несомненно, причиной тому было прежде всего доброжелательное отношение болгар.

Познакомились с заграничной женой Бородулина, которая оказалась невысокой худенькой девушкой с турецким разрезом глаз и смуглым лицом. Она встретила их с некоторой настороженностью и смущением, за беседой часто обращалась к Косте за подсказкой, как себя вести с гостями, но, прощаясь, они уже не сомневались, кто хозяин в этом маленьком доме: собравшийся было проводить их до гостиницы Костя послушно остался. И на обратном пути, возвращаясь, по пропахшим кофе теплым улицам Софии в гостиницу, пришли к единому мнению, что Павлина не столь романтична, как Костя, и ждет того пусть и на добрососедской чужбине отнюдь не безоблачная жизнь...

В первый день в гостиницу пришел курьер из фирмы, пригласившей их, передал конверт с левами на текущие расходы, сообщил, что, когда руководство определится со временем встречи, их известят. В конверте оказалась вполне достаточная сумма для того, чтобы побывать в разных ресторанах и ресторанчиках, вдоволь попить продающийся на каждом углу черный кофе, познакомиться с музеями и выставками.

На третий день, чувствуя себя обязанным перед хозяевами за оказанное гостеприимство, снedaемый любопытством, кто же так легко тратит деньги, Жовнер попросил Бородулина устроить встречу. Тот перезвонил после обеда и сообщил, что руководители фирмы срочно выехали в Италию, будут к концу недели.

– Не переживайте, Александр Иванович, фирма солидная, с деньгами. Они занимаются консалтингом во многих странах Европы. Их очень интересует Северный Кавказ, поэтому и пригласили.

Чтобы не терять времени даром, Жовнер попросил Костю поводить их по газетам и издательствам.

Они побывали в двух издательствах и трех редакциях газет, где пили кофе и строили планы. С издательствами – о совместном издании книг на русском и болгарском языках. С газетами – об обмене газетными публикациями. Все эти договоренности должен был претворять в жизнь Бородулин, который теперь по-настоящему осознал себя руководителем представительства. Переговоры проходили легко, при полном взаимопонимании, потому что, как

сделал вывод Жовнер, «братушки» находились в таком же состоянии, как и они, тоже азартно пытались осваивать новый мир, вдруг раздвинувший прежние границы...

...Каждый вечер они с Еленой гуляли по вечерним улицам Софии, и во время прогулок Сашка присматривался к женщинам его возраста – мало ли, вдруг увидит Виолетту... После встречи с Костей и его подругой он рассказал Елене о давней встрече в Германии, пронизанной платоническим чувством, о том, что фантазировали они более пятнадцати лет назад, как встретятся семейно на болгарском побережье и какая идиллия тогда им рисовалась. И вот они, правда, без дочери, здесь, интересно, как у Виолетты сложилась жизнь?... Рассказал, рассчитывая на понимание, хотя сам не очень любил слушать о ее кавалерах, которые были до него. И теперь Елена нет-нет да и указывала ему на ту или иную смуглую, черноволосую и, как правило, лет на десять моложе женщину и спрашивала:

– Посмотри, это не твоя Виолетта? – выделяя при этом слово «твоя».

И он смотрел, говорил о том, что она напрасно его ревнует к прошлому – у каждого человека в его личном прошлом есть нетленное богатство, которое принадлежит только ему одному. И в их прошлом есть то, что он считает самым ценным: это их совместный поход на Байкал, с которого началась любовь, первое объяснение, такие долгожданные встречи и томительные разлуки, да и сегодняшнее счастье быть вместе... Несомненно, эти мгновения ей тоже ценны, но они могут только догадываться об истинных переживаниях другого...

Это непередаваемое никому богатство одного...

И она соглашалась.

И им было очень хорошо вдвоем в Софии...

...Из Болгарии, так и не встретившись с приглашавшей стороной, поручив Бородулину прояснить ситуацию самостоятельно, с помощью нового штатного сотрудника представительства Павлины (она вместе с Костей провожала их), он вернулся со смутным ощущением, что в Европе никто их не ждет с распростертыми объятиями, что даже дружелюбным болгарам все же ближе и понятнее их ближайшие соседи по тесному европейскому дому, пусть и говорящие на менее родственных языках, и они с большим интересом смотрят на север, запад и даже на юг, откуда в свое время пришло насилие, чем на восток – на Россию. Хотя помнят и чтут героические страницы совместной истории и знают, кто такой Суворов и какому Алеше был установлен памятник, а потом посвящена русская песня, которую они знают и любят петь... У Жовнера было ощущение, что они с Еленой посидели на приступочках той самой Европы, с которой теперь следовало брать пример, – посидели, не дождались приглашения и убрались восвояси. И от этого особенно никто не огорчился – ни те, кто их приглашал, ни они сами. Хотя были благодарны за неожиданный и недешевый подарок в виде этого недельного посещения другой страны...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.